

Роман Комаров

Картограф

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Роман Комаров

Картограф

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Комаров Р. Е.

Картограф / Р. Е. Комаров — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У молодого художника Фили Чарткова, только что переехавшего в столицу, похитили сестру. Свидетелей нет, полиция разводит руками. И тут Филе является демон и говорит, что сделает его могущественным магом-картографом, способным менять пространство. Филе соглашается на сделку, но помогут ли новые силы найти сестру? А может, он станет одним из чудовищ, которыми кишит столица? Цена сделки высока, ведь карты, как и договоры с нечистым, пишутся кровью. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Краб	6
Цыганка	12
Витязь	17
Горгона	21
Гомункул	27
Русалка	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

*Не вижу никого другого пред собою.
Беги!.. Куда бежать?.. Твой ад везде с тобою.
А.П. Сумароков*

Краб

Ему не понравились попутчики – не их вид, а просто сам факт наличия. Он даже невольно дернул Настеньку за руку, когда та проскочила вперед него в купе.

– Филя, ты что, больно же! – тихо сказала Настенька.

Укоризненный взгляд, пожатые губы, вспотевшая ладошка – Филе стало стыдно, и он, снимая шляпу, был уже чуточку любезнее.

– Добрый день, – выдавил из себя он. Достаточно ли будет просто поздороваться, или еще и поклон нужен? Нет уж, без поклонов сегодня, он все-таки пассажир второго класса, а не проситель в бухгалтерии.

Девушка, сидевшая ближе к двери, ничего не сказала, просто молча притиснула подбородок к пышной манишке. На хорошеньком лице извивалась улыбка, в которой оробевший Филя прочитал презрение. Он мигом оглядел пиджак, брюки и ботинки: так и есть, все в пятнах бурой грязи, и даже березовый листок к колену прилип. По дороге у Настеньки развязался шнурок, и чтобы не терять драгоценное время, Филя бухнулся, куда пришлось, и живо привел обувь сестры в порядок. Отряхиваться было неловко, поэтому он прикрыл листок рукой, решив оторвать его как можно незаметнее, естественным движением путешественника, разглаживающего непрошеную складку на одежде. Он с достоинством сел и тут же спрятал ноги под сиденье. Настенька вертелась рядом, разглядывая обитые плюшем полки, откидной стол, покрытый льняной скатертью с кистями, исшарканный палас на полу. Наконец она пристроилась к окну и принялась пересчитывать вокзальных голубей. Те смешивались в серо-синюю кашу и счету не поддавались.

А Филя продолжал разглядывать девушку из-под век, таясь и обмирая. Строго говоря, она не была красавицей, но не оставила бы равнодушным даже камень. Белая кожа, тонкий нос, глаза, как две лежащие на боку запятые хвостиками вверх, черные косы, змеящиеся по всей голове – не человек, а типографский набор знаков препинания. Это так чудно и пленительно! Филя, давно уже не рисовавший портретов, пытался запомнить все до деталей, чтобы позже сделать набросок. Ему хотелось оставить это лицо себе.

Второй пассажир сидел у окна. Он так и не снял пальто и перчатки, в руках газета – еженедельник «Новости Бурга», который Филя не покупал из экономии. На первой странице размещено фото императора, вяло и неохотно жмущего ладонь американскому президенту. Текст было не разобрать, кособокий мелкий шрифт столбиками стекал к краю страницы. Да и неприлично в чужие газеты смотреть, так всегда говорил отец. Он, строгий поборник морали, считал воровством чтение через плечо: ведь ты, получается, глазами крадешь то, за что заплачено другими. Филя в душе не соглашался с этой интеллигентской ересью, но никогда родителям не возражал. А Настенька по малолетству тем более.

И вдруг газета дрогнула и поползла вниз. Сначала стала видна шляпа («Он и шляпу не снял», – с ужасом подумал Филя), потом красное лицо, густо обрамленное седеющими волосами, и наконец жесткая бородка клинышком, на конце которой висела премерзкая капля. Пассажир внимательно посмотрел на Филю и вдруг облизнулся.

– Григорий Антонович, вам жарко? – засуетилась девушка, вытаскивая на свет божий гигантский носовой платок. – Давайте я вам личико оботру.

«Да какое ж это личико? – растерянно думал Филя. – Скорее, морда или рыло. И почему оно такое красное?»

Тем временем девушка сосредоточенно терла Григорию Антоновичу щеку, а тот морщился и пытался увернуться, но так ничего ей и не сказал. Газета бродила у него на коленях, постепенно соскальзывая на пол.

– Еще маленечко потерпите, – приговаривала девушка. – Вам полегче станет. А я потом окно открою, душно здесь.

Настя вовсю веселилась, наблюдая за этой сценой, и вдруг ахнула, прижала ко рту кулачки. Она неотрывно и напуганно смотрела на Григория Антоновича. Филя потянулся к ней, чтобы обнять, но она отпрянула и еще глубже забилась в угол, поджав ноги.

«Испачкает обивку сапогами, а мне оттирать, – мелькнуло в голове у Фили. – Чего тут бояться? Может, у человека родимое пятно такое или он индеец».

Филя никогда не видел индейцев и был свято уверен, что их кожа цветом напоминает кирпич. Такими он и рисовал их иногда в блокноте, когда был подростком. Теперь же, глядя на странного пассажира, он изо всех сил убеждал себя, что перед ним просто потомок Чингачгука, ведь не случайно на первой странице газеты был портрет американского президента. Тут есть логическая связь, все можно объяснить.

Девушка, не обращая внимания на Настеньку, продолжала свои хлопоты. Она сняла с Григория Антоновича шляпу – обнажилась сырая красная лысина, вокруг которой вповалку лежали слипшиеся завитки пепельно седых волос. Как могла образоваться среди буйной шевелюры столь значительная плешь, было непонятно. Филя резонно предположил, что это тонзура. Значит, сам пассажир вполне может оказаться католическим священником – вот чудеса, откуда он здесь, на станции Гнильцы? Кругом сибирские леса, православная тишь да гладь, деревянные церкви – и вдруг посреди этого великолепия иноверец. Скорей, здесь встретишь жирафа, объедающего елки, чем католика, да еще и индейца.

Станный пассажир тряхнул головой, но кудри не расклеились. Капли пота, сдернутые с кожи центробежной силой, лягнулись на стекло. Девушка потянулась и стерла их платком, как будто заметала следы преступления. Потом, помедлив чуток и бросив быстрый взгляд на Настеньку и Филю, она одним ловким движением стянула с рук Григория Антоновича перчатки. И тут уже Филя не удержался от крика.

Это были не руки. Конечно, он и не подумал, что у человека, читающего газету, может не быть рук. Обычно острый художнический глаз на этот раз подвел его. Или, скажем так, подвел его вовсе не глаз, а привычка к тому, что в жизни все объяснимо. И вот вам, пожалуйста, неожиданность: у пассажира вместо рук были большие бугристые клешни, которыми он, освободившись от перчаток, звонко щелкнул пару раз для разминки.

Филя почувствовал, как по его спине плывет холод. Клешни, жуткие клешни заслонили собой все, он смотрел на них, как замороженный, медленно погружаясь в темень и дурноту. Окончательно вывалиться из реальности ему не давал тонкий голос Настеньки, которая в своем углу то ли выла, то ли плакала. Он не должен ее оставлять с этим монстром наедине!

– Ну, что вы так устались? Чего кричите? – сердито сказала девушка. – Я сейчас проводника позову, он вас отселит. Пеньки деревенские, грубияны!

– Уймись, Катя, – властно сказал Григорий Антонович. – Мы друг другу не мешаем. Пусть поглядят. Наверно, первый раз видят краба.

«Так вот, что он такое – краб! – думал Филя. – Но ведь крабы живут в море, а этот – здесь, в вагоне, газету читает».

В этот момент в дверях купе показалась женщина в железнодорожной форме с корзинкой в руках.

– Орешки, печенье, холодное пиво, водичка, шоколад? – бесцветным голосом затянула она и, набрав в грудь побольше воздуха, продолжила. – Баранки, сухарики, колбаска, свежая пресса, значки с символикой железной дороги, одноразовые тапочки?

Филе, который пытался продавить вниз комок, перекрывший горло, на миг показалось, что он сам – продукт, что-то вроде кефира или булочки, и сидит на перекличке в холодильнике. И если он не отзовется вовремя на свое имя, его вышвырнут из поезда и даже денег за билет не вернут.

– Орешки, пожалуйста, – сказала девушка, протягивая женщине гривенник. Та взяла монету, выудила из корзины небольшой пакет с фундуком и вопросительно посмотрела на Филю. Тот пытался вымолвить хоть слово, но треклятый комок все еще был на месте, поэтому он замотал головой, как будто отгонял летающую по орбите муху. Женщина молча удалилась в коридор. На Григория Антоновича она и не взглянула: то ли привыкла к странностям, то ли полагала, и вполне справедливо, что любой, купивший билет, даже если он краб, может беспрепятственно пользоваться услугами железной дороги.

Девушка, щуря глаза-запятые, разглядывала покупку.

– Так, вроде без соли, – пробормотала она и решительно надорвала пакетик. Выкатив на ладонь три круглых белых ореха, она протянула их крабу. Тот неуклюже взял один, зажав его клешней, и быстро поднес ко рту. Раздался неприятный хруст, напомнивший Филе звук, с которым его пес, старый Тузик, разгрызал оставшиеся после варки холодца говяжьих хрящи.

– Может, хочешь его покормить? – спросила девушка Настю, вручая пакетик. – Не бойся, давай.

Настя села на краешек, выбрала из пакета самый крупный орех и подала его крабу. Было видно, что у нее дрожат пальцы. Краб осторожно принял губами орех и кивком показал, что не откажется от добавки. Мучительное кормление продолжалось десять минут, пока пакет окончательно не опустел. Все это время Филя думал, что надо и правда попроситься в другое купе. Его останавливала лишь мысль, что новые попутчики могут оказаться еще хуже. Кто знает, какие еще монстры сели в этот поезд?

Раздался свисток, двери вагона с лязгом захлопнулись. Дернуло вперед, потом назад, и станция Гнильцы начала медленно уплывать в прошлое. Возврата нет, дом продан, вещи раздарены соседям. Мать и отец давно в сырой земле, друзья разъехались, пса волки зимой задрали. Ничего не осталось, кроме отсыревшего железнодорожного белья, кроме будущего, кроме этого краба и девушки напротив, кроме крутобокого чемодана в багажном отделении. Ехать в Бург просто так, наудачу, было, конечно, безумной затеей, но что им оставалось? Филя мог получить место учителя рисования в местной школе и до конца жизни латать дыры в отцовском пальто, но не для того его готовила судьба. А Настенька, ей ведь надо в пансион, все-таки уже возраст.

От невеселых мыслей Филю отвлек голос девушки.

– Вот видишь, совсем не страшно! Малышка, ты что насупилась? Григорий Антонович уже пять лет вегетарианец. Как бы иначе я у него служила ассистенткой?

Подтверждая сказанное, краб кивнул и для убедительности щелкнул клешней. Но Филе все равно не нравилось, как он смотрит на Настю, – влажно, плотоядно, выжидающе. Нет, он только притворяется вегетарианцем, ручным зверем, берущим орешки из рук детей. Это хищник, урод, монстр, которому нужна теплая плоть и сахарные косточки. От него надо держаться подальше, лучше всего даже не знать, что он существует, как это было до сегодняшнего дня. И откуда этот супостат только взялся?!

За окном мелькали поля, покрытые первым снегом. Реки еще не замерзли, кое-где даже плавали утки, не спешившие в этом году улетать. Они надеялись на возвращение тепла, мол, высидим, дождемся, будет и на нашей улице праздник. Настенька, скинув сапожки, подтянула колени к груди и с тоской смотрела в окно, стараясь сидеть тихо-тихо, чтобы краб позабыл о ней. «Молодец, сестренка, – подумал Филя. – Все, как учил отец. Встретишь медведя – притворись мертвым. Мертвечину ни один зверь не ест!»

Метнув взгляд на пассажиров напротив, Филя обнаружил, что Григорий Антонович спит, смежив тяжелые складчатые веки. В уголках глаз копилась жидкость: слеза или слизь, не разберешь. Девушка подняла с пола газету и принялась читать ее, изредка нарушая тишину в купе негромким шуршанием. Филе хотелось спать – предыдущий день прошел в сборах, и только

к утру все было готово – но он решил держаться до последнего. Пусть Настенька спит, а он будет сторожем.

Когда за окном стало темно, краб Григорий Антонович забрался на верхнюю полку и там захрапел, отвернувшись к стене. Пальто он так и не снял. Но и без того было ясно – у него не только руки, но и тело нечеловеческое. Возможно, под одеждой скрывался панцирь и сочлененные кое-как кривые ноги, острые на концах. Допустим, в каждой штанине их по три, так он принимает вертикальное положение и передвигается подобно человеку. Чудище поганое, морской гад!

Филя постелил Настеньке внизу, а сам отправился наверх. Если кто-то и должен лежать напротив этого существа, так пусть он. Ему не страшно! Но уснуть не удавалось, и он ворочался с боку на бок до полуночи. Мерный стук, легкая качка все же усыпили его, но когда он на секунду открыл глаза, пробудившись от липкого кошмара, то едва не подавился собственным криком. Краб из темноты буравил его сияющими, как два фонаря, глазами. И в этом взгляде читалось только одно: нестерпимый голод. Филя поспешно слез с полки, если не сказать упал, всунул ноги в ботинки, смяв пятками задники, и выбежал в коридор, наполненный молочным нежным светом.

«Приснилось! – подумал он. – Да, просто не до конца проснулся. Надо взять себя в руки, там же Настенька. Просто постою тут недолго и вернусь».

С полчаса он не мог заставить себя взяться за ручку купе. Хотелось, чтобы ковер в коридоре обвился ему вокруг щиколоток, не пустил назад. В темных окнах мелькали редкие огни, слышался храп пассажиров, под ногами равномерно бились колеса. Утром Бург, утром все закончится. Надо просто вернуться на свое место.

И Филя вошел в купе. Все спали. Он без надобности поправил Настенькино одеяло и вскарабкался к себе, пристраиваясь поудобней в измятой, пахнущей стиральным порошком постели. Один, два, три, пятьсот шестьдесят шесть, две тысячи триста восемь, десять тысяч четыреста одиннадцать... Сон.

Резкая остановка. Взъерошенный Филя вскочил и ударился о сетчатую полку, торчавшую, как назло, горизонтально. Краб и девушка-ассистентка сидели внизу и пили чай. Было одновременно забавно и жутко наблюдать, как чудище держит алюминиевый подстаканник в своей неловкой клешне. Настенька спала и оттого казалась до слез беззащитной. Ее голова лежала на самом краю подушки, и тонкая рыжая косичка на белом казенном полотне наволочки была похожа на ниточку крови, которую оставляет на снегу подраненный зверек.

Филя тронул ее за плечо и тихо сказал:

– Вставай, Настенька, скоро приедем.

Он не знал этого наверняка, но оставлять ее спящей, когда монстры уже на ногах, было выше его сил. Господи, и почему он не выпросил у соседа карабин? Все лишь из-за легкомыслия и самонадеянности. Олух, неудачник, тупица!

Сонная Настя долго не могла понять, где они находятся, и вдруг ее взгляд упал на клешню, с которой нелепо свисал подстаканник. Она всхлипнула, спина ее напряглась, и сон как рукой сняло. Филя быстро скатал постели, причесался сам, пригладил вихры на голове сестренки и принялся ждать, когда же в окне покажется заветный Бург.

Тянулись скучные поля, отделяемые друг от друга жидкими листовными перелесками. Изредка мелькали серые от дождей избы, нагие дворики, черные клочья вскопанной земли. Но постепенно пейзаж начинал меняться: появились каменные постройки, попадались все чаще трубы заводов, груды щебня и ржавого металла. И вдруг на Филю обрушился Бург. Он начался сразу, без пригородов, которые потихоньку готовят тебя к парадным улицам, бульжным мостовым, купеческим домам с толстенными колоннами, к флагам и растяжкам, к белотелым церквям. Город разливался до горизонта, как уверенное в своей глубине и ширине море, и не было ему нигде предела. Богатый, блестящий, императорский Бург!

Сердце Филя сжалось до размеров наперстка и стало смертельно горячим. Настенька тоже была поражена этой щедростью столицы, она кружила по стеклу тонкими пальчиками, словно пыталась собрать весь лоск и роскошь города к себе в кулачок. Куда там шапкой ветер ловить! Сколько таких, как они, приезжало в Бург, чтобы взмыть на гребне волны и вновь оказаться у берега на сыром песке, в рваной одежде, без сил и желания грести обратно, в пучину. Филя понимал: ничто им не будет дано даром. Он сунул руку в карман: хотел убедиться, что письмо, полученное от тетки, все еще там. Она, эта своенравная матрона, патронесса множества сиротских приютов, богаделен и домов трудолюбия, выразила готовность помочь им стать на ноги, но предупреждала, что денег не даст ни копейки, потому как терпеть не может мошенников и дармоедов. «Вот такие у нас родственники, Настенька», – с обидой думал Филя. Он решил, что когда тетка растеряет капиталы и одряхлеет, он ее облагодетельствует, взяв к себе в парадную консьержкой. Эта мысль немного утешила его, и он вернулся к созерцанию столицы.

Григорий Антонович и Катя шумно возились, готовясь к выходу. Один за другим они вытащили из-под сидения пижонские кожаные чемоданы, сплошь покрытые туристическими бирками. «Почему они не сдали все это в багаж? – недоумевал Филя. – Неужели настолько не доверяют работникам дороги?» Тем временем поезд полз уже по территории вокзала, рельсы расходились по земле лучами, грозя увести вагон в сторону, к ангарам, ремонтным мастерским, вокруг которых неспешно прогуливались пропыленные рабочие. Колеса едва стучали, замедляя бег. Но вот перрон, суতোлка, гомон встречающих. Мимо окна против движения поезда носильщик бодро катит свою тележку с номером «2» на бортике.

Филя помог Настеньке обуться, обернулся и увидел, что их попутчики уже вышли из купе, так и не попрощавшись. Вздох облегчения вырвался из его груди. Он все еще надеялся, что крабьи клешни лишь приснились ему. Тут его взгляд упал на пустой пакетик из под фундука, валявшийся под столом, и изморозь опять легла между лопаток. Нет, не приснилось. Был краб, был!

До багажного вагона они дошли быстро – толпа сама несла их вперед, подгоняла криками, тележками, сумками. Осоловело глянув на номерок, чумазый парень в фуражке лениво вытащил их пожитки на перрон. На боку чемодана красовался огромный шрам, видимо, при загрузке багажа щуп чиркнул по обшивке с особенной суровостью, и старый дерматин торжественно лопнул. Филя подавил досаду и молча поволок чемодан в здание вокзала, держа Настеньку крепче за руку. На вокзальной башне часы хлестко отсчитали десять ударов.

Пока Филя изучал карту города, Настенька осматривала витрины сувенирных киосков. Любуясь хохломскими ложками, позолоченными статуэтками, механическими птичками, она отходила все дальше и дальше к выходу из вокзала и скрылась из виду. Филя побежал за ней, цепляясь чемоданом за гнутые ножки лавок. Вдалеке мелькнуло, как хвост лисы-огневки, Настенькино оранжевое в красноту пальто. Филя поднажал и вылетел на привокзальную площадь, которая в столь ранний час неожиданно кишела людьми.

И вдруг он увидел то, чего больше всего боялся. Настенька садилась в автомобиль к незнакомым людям. Да какое там садилась, они силой затаскивали ее внутрь! Трепетнули в воздухе сапожки, хлопнула дверца, взревел мотор. Филя бросил чемодан и что есть сил побежал к автомобилю. За рулем была Катя, распустившая свои змеиные косы, а рядом с ней восседал краб Григорий Антонович. Настенька билась, как рыбка, расплющивая ладошки о стекло. Филя догнал автомобиль, не успевший набрать скорость, и рванул на себя дверцу, но та не поддавалась. Скорость нарастала, а он все бежал и дергал. Наконец его мокрые от пота пальцы соскользнули, бессильно огладили автомобиль по грязному боку, оставив на нем светлые полосы, и Филя грузно упал в лужу, не удержавшись на ногах.

– Настя! – кричал он. – Нааастя!!

Кто-то рванул его за воротник вверх. Городовой, крупный, коричневый и усатый, как камышовый кот, смотрел ему прямо в глаза. Он воплощал собой порядок и мощь закона. Мед-

ная бляха на мундире ослепительно сверкала, отражая вышедшее так некстати на небо солнце. Зачем солнце, когда у человека горе?

– Порядок нарушаем? – пробасил городской и тряхнул Филю, будто пытался добыть из бумажного кулька последнюю завалившуюся семечку.

– Моя сестра... мою сестру... увезли, – бормотал Филя, вырываясь. – Пустите! Я догоню. Там моя сестра.

Городовой разжал пальцы-сосиски, отпуская Филин воротник. На его лице явственно читалось недоверие.

– Увезли, говоришь? А кто?

– Краб!

Городовой нехорошо улыбнулся.

– А! – сказал он. – Тогда беги быстрее, спасай сестру.

Филя оторопело смотрел ему в спину, невольно отмечая, что шов на мундире разошелся, и из него торчат белые нитки, что шея городского потная, в крупную складку. Он не поможет догнать автомобиль, он не поверил ему, принял за сумасшедшего.

– Постойте, Краб – это фамилия! А зовут его Григорий Антонович.

Городовой нехотя обернулся и протянул:

– Дрр-ругой разговор. Пройдемте в отделение, молодой человек, будем акт составлять. Найдется ваша сестра, а может, и сама прибежит.

Филя было пошел за ним и вдруг остановился как вкопанный: чемодан! Он попросил городского подождать и вернулся назад, к зданию вокзала. Чемодана нигде не было. Украли! Украли и сестру, и чемодан, и это в первый же день по приезде. Матушка и батюшка на небесах, простите, простите меня! Я все верну!

Когда Филя сказал городскому о чемодане, тот только хмыкнул:

– За вещами на вокзале глаз да глаз. Ценное было?

Филя помотал головой. Штопаное белье, заношенные платица, ветхий отцовский костюм, галоши и зонтик. Разве что на материну соболиную муфту, остаток былой роскоши, мог кто-нибудь позариться, если был подслеповат – муфту неоднократно грыз Тузик, отчего та местами сильно облысела. Деньги и бумаги Филя держал в пальто – не из предусмотрительности, просто по привычке. Теперь подобные привычки должны стать частью его новой городской жизни.

Как же вернуть Настеньку? Не может же быть, что такого приметного господина, краснорожего и с клешнями, не найдет полиция Бурга? В два счета найдут! У них в Гнильцах, было дело, даже украденные ведра домой вернулись. Пришел урядник, задал пару вопросов и вечером уже принес ведра на опознание. А тут живой человек пропал! Филя старался преисполниться оптимизма, но уныние и страх за сестру накатывали волнами, заставляя руки плясать от мелкой дрожи. Чертов краб, чертова Катя! Настенька!

Городовой вел его по пыльным улицам Бурга, но Филя устался себе под ноги, в отчаянии кусая губы и комкая теткинo письмо. Нет, все должно было быть не так! Что ж это делается-то на белом свете!

Цыганка

Филю мотало, как на качелях: он то вскакивал и хватал за рукава проходящих мимо стряпчих, то на долгие минуты погружался в угрюмое молчание. В отделении, куда его привел городской, было многолюдно. Стоял запах пота, кофе и крепких сигарет, от этой смеси Филю тошнило. Поминутно трещали телефоны, со всех сторон комнату пронзали крики:

- Вы кого там приволокли? Опять Дусэ? Сюда его, ко мне.
- Где формуляр номер пять? Кто-нибудь видел?
- Возьмите трубку! Я занят.
- Я печатаю!
- Василия Николаевича нет, перезвоните после трех.

Филю стало жарко, по спине потекла струя. Он рванул с шеи шарф, расстегнул пальто и встал. Стул казался ему горячее адской сковороды. Городового нигде не было видно. Филя пересек приемную и вошел в первую же открытую дверь, оказавшуюся, как он узнал много позже, кабинетом околоточного надзирателя. Стены, выкрашенные в темно синий, жадно поглощали дневной свет. Напротив окна висел портрет императора в окружении дипломов, грамот, вымпелов и медалей, вкривь и вкось подвешенных на разномастных гвоздиках. За столом сидел, набычившись, неопределенного возраста толстяк в штатском. Филя пригляделся и понял, что тот крепко спит: нижняя губа отвисла, голова мерно покачивается над неисписанным листом, ручка, зажатая меж пальцев, уже готова выпасть и укатиться под стол.

Что же, заговорить с ним или потихоньку выйти? Филя совсем растерялся. И вдруг из коридора грянула цыганская песня, да так громко, что толстяк всхрапнул, как конь, и поднял на Филю мутные красные глаза, в которых читалось начальственное недовольство.

– Ты кто? – спросил толстяк.

– Я тут ... у меня сестру похитили, Настеньку! – выпалил Филя, подбираясь поближе.

Толстяк сморщился и, сжав неволью пальцы, чиркнул ручкой по листу, словно пытался его разрезать.

– Я тебя спрашиваю, кто ты!

Филя замялся. Что от него требуется? Имя, род занятий, место проживания? Из всего этого у него в наличии только одно.

– Филимон Чартков, – залопотал он по-заячьи. – Мы с сестрой сегодня приехали. Прибыли. На поезде, на паровом таком, знаете. К дяде, то есть к тете. Из Гнильцов.

Мужчина уперся в столешницу пудовыми кулаками, приподнял с усилием свое дебелое тело (при этом кресло издало премерзкий чпок) и гаркнул во все горло:

– Я тебя не спрашивал, откуда ты! Ты что, глухонемой?!

– Нет, я... я в порядке. Простите, что побеспокоил, – Филя, окончательно потерял присутствие духа. Он попятился к двери, сминая ковер.

– Стоять! – закричал мужчина. – Мордовцев, тащи его в пятнадцатую. Разберемся, что ты за фрукт.

В двери вмиг нарисовался дюжий мужик, по виду обычный дворник. Он схватил Филю за шкуру и поволок из кабинета.

– Ай! – закричал Филя. – Что вы делаете? Пустите! Пустите, я сам пойду.

Но дворник упрямо и молчаливо волок его куда-то вниз, по лестнице. Идти спиной в темноту по крутым ступеням было страшно, но Филя, вопреки собственным ожиданиям, не оступился. Внизу стоял затхлый мышинный запах, неприятно – жирно, с чавканьем – струилась вода. Узкий коридор заканчивался тупиком. Слева и справа были клетки, наполненные живыми людьми. При виде дворника арестанты вскочили на ноги, схватились за прутья и принялись истошно вопить. Дворник невозмутимо тащил Филю вглубь, словно вокруг сто-

яла благодатная тишина. Они подошли к последней клетки, дворник открыл дверь и втокнул Филю внутрь. Решетка скрипнула, звякнул замок, и вдруг стало тихо. Вопли улеглись, осталось только журчание воды, приправляемое изредка невнятным гулом, как будто время от времени где-то поблизости проезжал тяжёлый железнодорожный состав.

Филя огляделся. Камера была небольшой – не больше пяти аршин в длину и ширину. У стен стояли кровати с вонючим, веками не менянным бельем. Из оконца лился унылый свет, железная решетка дробила его на доли. В углу лежал огромный узел с цветными тряпками. Филя вздохнул и брезгливо присел на кончик кровати, сдвинув матрас. Как это все произошло? Почему он оказался в каталажке? За что, за что, за что?

– Ты, красавчик, как здесь очутился? – вдруг раздался хриплый голос.

Филя обернулся. Из узла с тряпками на него смотрели человечьи глаза – блестящие, как антрацит. Цыганка!

– Не знаю, – сказал он, разворачиваясь к ней. – Бросили сюда ни за что.

– Э, – сказала цыганка. – Все так говорят! Меня тоже ни за что, веришь – нет?

Она коротко и злобно хохотнула. А Филя тем временем думал, что странно как-то оказаться в одной камере с женщиной. Он всегда считал, что если людей и сажают в клетки, то хоть делят – отдельно мужиков, отдельно благородных. А женщин вообще здесь быть не должно! Вопиющее нарушение законов империи! Эта мысль взбодрила его, он вскочил на ноги, дернул на себя прутья и закричал:

– Выпустите меня отсюда! Я не преступник! Я пришел заявление писать. Слышите меня?

– Не галди, – сказала цыганка, шурша тряпками. – Они сами за тобой придут.

– А когда?

– Бывает, через день. А порой тут и неделю просидишь, ни одна собака не сунется.

– И что же, вот так – без еды, без воды, без?.. – Филя не решился произнести при ней слово «уборная». Хоть и цыганка, а все же женский пол.

– Почему без еды? – пожалала плечами та. – Дают иногда. Вечером придет уборщик, кинет миски, вот и весь разговор. Следующая кормежка утром. На баланде не разжиреешь, а жить можно. В холода я, бывает, толкну городского, плюну ему в харю, он меня сюда приведет, два дня греюсь, жру, потом опять на свободу.

Филя озадаченно смотрел на цыганку. Это было существо из другого мира. Не такое экзотичное и опасное, как краб, но все же дикое и немного жуткое в своей звериной жажде жизни. Ему захотелось разглядеть ее, по голосу было не понятно, молодая она или старая, красивая или нет. Цыганка же продолжала возиться в своем углу, укутываясь в тряпки.

С полчаса в камере стояла тишина. Вдруг цыганка поднялась и сказала Филе:

– А ну-ка отвернись!

Филя послушно повернулся лицом к коридору. По полу загремел железный таз, раздался звук льющейся воды, но не такой, как раньше, – тюремный, удаленный, а весьма близкий и недвусмысленный. Таз шваркнул по полу, и все опять стихло. От койки потянулся смрад.

Филя застыл в одной позе, как будто вся его спина превратилась в цельный кусок гранита. Он не мог найти в себе силы повернуться и снова посмотреть на цыганку, которая, судя по шуршанию, опять уселась в угол.

– Что, золотой, томно тебе? – спросила она с издевкой. – А ты не стесняйся, тоже тазик доставай. Здесь у нас все попросту, без затей.

– А отвернуться тогда зачем просили? – вскричал Филя.

– Чтоб секрет мой не увидал!

«Какой еще секрет?! Может, она тоже монстр? Скрывает под юбками чертов хвост или рыбью чешую?» – подумалось ему. Филя вздохнул, собрал в кулак все свое мужество и повернулся к ней. Запах чуть улегся, хотя дышать было неприятно. Цыганка копалась в тряпках: то ли вылавливала блох, то ли искала что-то.

– Давай я тебе погадаю! – предложила она, поднимая на него горящие темные глаза. – Даром, как соседу, всего за рублик. Вынимай кошель, знаю, у тебя есть.

Филя невольно потянулся рукой в карман, да так и застыл. Она его ограбить хочет. Потерять сестру, чемодан, свободу, а сейчас еще и с деньгами расстаться! Нет, он ей не позволит, он себя в обиду не даст.

– Не нужно мне гадать! Оставьте меня в покое!

– Ты, яхонт мой, боишься, что я тебя оберу? Ай-вэй, людям верить надо! Иди сюда, не робей, не нужен мне твой рублик. Так погадаю! Счастливый будешь, любимый будешь, жену богатую найдешь! Зара не врет.

Значит, Зара. Имя пронзило сердце Филя, как вязальная спица. Он слышал его раньше. Да что там раньше, сегодня – то ли на вокзале, то ли во сне. Он протянул цыганке руку и зажмурил глаза. Цепкие сухие пальцы стиснули ладонь, разгладили ее, прошли по бугорку, ведущему к мизинцу, пощекотали запястье. И вдруг цыганка отпустила его руку, и он предельно ударился об угол кровати.

– Не буду я тебе гадать! – резко сказала Зара.

– Вы же сами предложили!

– А теперь не хочу. Убирайся!

– Куда же это я уберусь? – возмутился Филя.

– Куда хочешь. Поганый ты! Фу, фу!

Вот теперь он еще, оказывается, и поганый. Обижаться на цыганку было глупо, но Филя все равно надулся. Бург, манивший золотом фонарей, искрами витрин, пестротой иноземного платья, оказался неприветливым и грубым. Все ополчились против чужака, гонят его, обижают, обзывают, отнимают самое дорогое, что есть в жизни. Где в мире справедливость? Что он такого совершил? За что наказан?

Зара в своем углу шипела, как змея, сыпала проклятьями. Филя с трудом разобрал слова: «Вот еще... черт такой». Все остальное было нечленораздельной кашей свистящих и шипящих звуков незнакомого языка – вроде как даже не цыганского, а особого, клокочущего наречия Преисподней. Филя был с детства суеверен: он плевал в сторону черных кошек, перешагивал щели между плитами мостовой, старался не проходить под прислоненной к стене лестницей. И теперь, когда ему так грубо отказали в гадании, его разбирало любопытство и ужас перед неизвестной, но мрачной судьбой, начертанной у него на руке. Он механически отирал ладонь о штаны, будто пытался соскоблить дурноту с кожи.

– Простите, а все-таки, почему вы не хотите мне погадать? – осторожно спросил он цыганку. – Я скоро умру?

– Такие, как ты, всех переживут, – буркнула Зара и принялась неистово чесаться.

Звучало обнадеживающе. Смерть, вставшая было за плечами, отплыла в туманную даль глубокой старости.

– Значит, дело в другом? Я стану преступником, сопьюсь, убью много народа?

– Очень может быть, – сказала цыганка, подаваясь вперед и хватая его за руку. – Хочешь знать? Ну, смотри. Вот линия жизни – длинная, как волос, вишь, куда загибается. Жить тебе до ста лет, чтоб мне сдохнуть.

Она так смачно сказала «сдохнуть», что Филя невольно покосился на нее с опаской: вдруг и правда умрет здесь прямо в камере, а потом это на него повесят? Дескать, довел бедную женщину до смертного исхода. И тогда каторга, каменоломни, чахотка. А Настенька как? Кто ее будет вызволять из беды?

– Нет уж, вы живите, – решительно сказал Филя. – Что там дальше?

– А вот что! Глянь, тут у тебя усики такие от пальца расходятся.

В полумраке усиков было не разобрать, но Филя на всякий случай кивнул.

– Эти усики есть метка дьяволова. Он тебя когтями пометил еще у матери в утробе! Пойдешь по кривой дорожке, будешь черные дела делать.

«Похоже, я стану маньяком. Хорошо бы не насильником, я этого не переживу», – с тоской думал Филя, безвольно свесив голову на грудь. Цыганка тем временем продолжала лапать его руку, выдавливая судьбу из мякоти на поверхность для лучшего обзора.

– Тебя под счастливой звездой зачали, а не вышло путного. Бог хотел, чтоб ты мир расписал, как яичко на Пасху, а дьявол пронырнул и испортил все. Малевать будешь, этого уж не отнять, а красоты-то божьей погаными руками не намалюешь, нет-нет.

– А зачем дьяволу картины? – озадаченно спросил Филя, выходя из транса. Он живо себе представил котлы с кипящей смолой, между которыми он, пристроившись с мольбертом, рисует поясной портрет Сатаны в парадной тоге. Он мотнул головой, прогоняя дурацкое видение.

Зара презрительно фыркнула:

– Вот же глупый! Какие картины? Дьяволу не этого надо. Он двери открывает, в пламя людей затаскивает, а ты ему в этом поможешь!

– Я ему эти двери нарисую, что ли? – недоверчиво усмехнулся Филя и вдруг понял, что цыганка не шутит. Ему и в самом деле предстоит нарисовать дверь в Ад! От сознания того, что он, может быть, новый Данте, Филя несколько окрылился. Нет, не то чтобы он хотел помогать дьяволу, но прогулка по загробному миру еще при жизни может быть любопытным опытом. В конце-то концов, неплохо заранее познакомиться с местами, куда рано или поздно попадешь. Завести полезные знакомства, облюбовать тихий уголок, застолбить нары получше.

Поймав себя на том, что он уже мыслит, как преступник, Филя заулыбался. Приспособившись к новым условиям жизни не было его талантом, он никуда надолго не выезжал из провинциальных Гнильцов, где по вечерам мог без ошибки сказать, в каком дворе лает собака. Сейчас же, попав в Бург, он начал меняться. Ему удалось сломить сопротивление цыганки, заставить ее погадать! Камера, смрадная, сырая и тесная, теперь уже казалась почти родной. Он сильный, он смелый, он прихвостень... нет, помощник самого дьявола. Впрочем, все это шутки.

Удивляло только одно: цыгане – люди необузданные, алчные и с нечистой силой состоят в родстве. А Зара плюется и шипит, как бабка в церкви, когда не к той иконе свечку понесешь. Почему так?

И вдруг раздался звук шагов, зашумели арестанты. К камере, где сидел Филя, подошел городской – тот самый, что встретился ему на вокзале – и деловито звякнул связкой ключей.

– Ты чего здесь сидишь? – поинтересовался городской у Фили.

– Я бы тоже хотел это знать! Куда вы исчезли? Я вас ждал, ждал... и вот, сюда угодил, сам не знаю, как.

– Давай, на выход! – сказал городской и открыл дверь.

Цыганка подняла голову:

– Красавчик, а я?

– А ты сиди, дура, – сплюнул городской. – Говорил тебе не рыскать возле участка? Говорил? Надо покормиться, иди на Сенную или к Львиному мосту, там дворники не смотрят. Эх, да что с тобой говорить, бестолковая!

Зара фыркнула.

– Так я ведь погреться к вам зашла. На улице свежо!

– А в камере еще свежее, – заметил городской. – Ладно, некогда мне с тобой разговаривать. Давай, юноша, на выход! У меня еще дел выше крыши.

Филя послушно встал с нар и пошлепал за городским по сырому полу. Цыганка кинулась к решетке и крикнула ему вслед:

– Попросит он тебя чудищ малевать, не соглашайся! Слышишь, не соглашайся – беда будет!

Филя оглянулся и даже сделал маленький шаг назад, но городской подгонял его, и вот они уже поднимаются по лестнице вверх, в управу. Свет, хоть и был неяркий, ослепил Филю. Он долго не мог сморгнуть слезы, внезапно набежавшие на глаза. Платок, что лежал вместе с кошельком, куда-то запропастился. Так вот оно и бывает у помощников дьявола – то платок пропадет, то сестра. Нет им ни в чем удачи!

Следующие три часа Филя провел, старательно заполняя бумаги. Стряпчий – худощавый старичок с трясущейся верхней губой и густыми волосами в носу – подсовывал ему бланк за бланком, в которые надо было бесконечно вписывать буквы и цифры. Стоило перелезть на следующую строчку или нарисовать запятую не на положенном месте, как старичок выхватывал бумагу из-под руки, рвал ее в клочья, и все приходилось заполнять заново. Филя так уработался, что пот насквозь промочил ему воротник и спинку рубашки.

Когда формальности были соблюдены и стряпчий удалился с бумагами в один из кабинетов, городской сказал, что теперь Филе предстоит самому регулярно навещать сюда и узнавать, как идут поиски. Обычно похищения расследуются быстро, особенно если это касается детей. «Так что, – бодро заключил городской, – заходите через недельку-другую, уж какой-то след отыщется».

– Через недельку?! – ошарашенно переспросил Филя. – Так долго?

– А что вы хотели? Город большой. Пока все притоны обыщешь, пока свидетелей допросишь...

– Так нет же свидетелей. Вы там рядом были и ничего не видели!

– Найдутся, не бойся. Кто-кто, а свидетели всегда есть. Ступай, я занят.

Городской по-отечески хлопнул Филю по плечу и подтолкнул к выходу. Ничего не оставалось делать, как только уйти.

На улице метель зло куснула ему щеки. Колючий снег летел в лицо, заставляя щуриться. Сменилась погодка. Грядет зима, неотвратима. Эх, утки, утки, улетели бы вы днем раньше подобру-поздорову, а теперь отморозите лапы, конец вам.

Поразмыслив, Филя решил отправиться к тетке – что еще оставалось делать? Он поднял руку, чтобы поймать такси.

Черный автомобиль вырвался к нему из пелены снега, как рука из-под одеяла.

– До улицы Пушкина подбросите? – спросил Филя, когда опустилось стекло.

– Не вопрос, – откликнулся водитель и распахнул дверь. – Садись!

– А сколько? – поинтересовался Филя.

– Договоримся!

Что ж, значит так тому и быть. Филя сел внутрь и обомлел. Водитель был юный, моложе его года на два, розовощекий и крепкий, со светлым пушком над губой. Волосы цветом, как пшеничная копна, и столь же жесткие. Но главное не это. Водитель был одет в настоящую кольчугу! Она струилась по телу, отбрасывая на приборную доску причудливые блики.

– Витя, – протянул руку водитель. Филя крепко и с удовольствием пожал его большую ладонь. – Витя Зязин. Можно просто Витязь. Меня здесь каждая собака знает. Поедем, помолясь?

Филя кивнул, автомобиль рванул с места. Впереди дорога разветвлялась, утопая всеми концами в бесконечной буранной мешанине.

Витязь

Витя был лихой шофер, это Филя понял сразу. Автомобиль круто заносило на поворотах, из-под колес фыркал в разные стороны снег и подмерзшая земляная крупка. Витя предпочитал ехать к своей цели дворами. Он воровато оглядывался, словно ожидал погони.

– Что-то не так? – встревоженно спросил Филя.

Витя белозубо улыбнулся и покачал головой.

– Куришь? – спросил он, доставая из-под сиденья медный портсигар, на крышке которого была гвоздем выцарапана несколько бессвязная фраза «Грифон Момон Додон».

«Глупые рифмы, – подумал Филя, жестом отказываясь от сигареты. – Зря я к нему в машину сел. Авантюрист какой-то, если не бандит! Чего вот он оглядывается? Господи, только бы живым добраться до тетки, хватит с меня уже на сегодня».

– Приезжий? – неожиданно прервал его внутренний монолог Витя.

– Да. А как вы догадались?

– Взгляд у тебя растерянный. Ну, и пальто...

– А что пальто? – с вызовом спросил Филя, оглядывая себя. – Нормальное вроде.

– Такие сейчас не носят! Уже лет двадцать как. Сосед в прошлом году выбросил свое на помойку.

Пальто Фили и правда было старым – его носил еще отец, когда ходил в женихах. Серое, немного напоминающее шинель довоенного образца, оно делало фигуру более массивной и значительной. Лацканы и края карманов украшала серебряная лента, плоские пуговицы блестяли, как ордена. В этом пальто Филя чувствовал себя старше, и Витина реплика больно задела его самолюбие. Казалось, он наносит оскорбление не только ему, но и покойному отцу, которому эта вещь тоже была дорога.

– Наверное, у вас сейчас в моде кольчуги? – ехидно заметил Филя.

Витя ничуть не обиделся.

– Времена тяжелые, – ответил он. – Непокойно.

– Стреляют?

– Бывает. Я живу в Малярове – это на окраине. У нас там каждый день заварушка. То калмыки мнут наших, то мы калмыков. А как раздухаримся, так и до смертоубийства доходит. На днях сорок человек в больницу отвезли: кому глаз выбили, кому зуб. Одному палец оторвало. Мне хоть бы хны, даже синяков не осталось. А ты говоришь, кольчуга! Как без нее?

– Суровые у вас нравы, – сказал Филя.

– Дело привычки. Хотя хочется иногда пожить по-человечески. Да что об этом говорить? Кто в Малярове родился, тот там и умрет. Судьба.

«Экий философ, – подумал Филя с неудовольствием. – Фаталист за рулем».

Автомобиль занесло на очередном повороте. Они вырвались из дворов и катили по широкому, освещенному фонарями проспекту. Желтый свет дарил почти рождественскую негу, обещал засахаренные фрукты, орехи в шоколаде и живой жар близкого очага, но Филя не мог расслабиться. Стоило Вите замолчать, как в голову опять полезли мысли о Настеньке, о проклятом господине крабе и зловещем пророчестве цыганки. По шее катился холод, мерзко спускался по икрам, тек в пятки. Хотелось прыгнуть из автомобиля и бежать вперед, до хрипоты в легких, до рези в правом подреберье. Матушка и батюшка! Где вы там, в Раю? Слышите меня? Простите! Не уследил, не уберег, да и сам того гляди сгину.

И вдруг автомобиль взревел и рванул с бешеной скоростью. Спина Вити выгнулась дугой, он бросил взгляд через плечо и ошалело крикнул:

– Погоня!

Филя вцепился в сидение. Еще минуту назад в окне игриво мелькали столбы, занесенный снегом кустарник, редкие прохожие – теперь все это превратилось в пеструю кашу. Мир завертелся, закрутился и помчался мимо. Витины пальцы на руле побелели, он щелкал зубами, как волк, угодивший в капкан.

– Выпусти меня! – рявкнул Филя. – Я с тобой дальше не поеду.

– Поедешь, куда ты денешься, – зло сказал Витя и круто свернул во двор. Пожилая дама с куцей дворняжкой на поводке едва успела отскочить в сторону, давая им дорогу.

«Негодяй! Хам! Сволочь!» – верещала она. Дрожащая собачка прижималась к ногам, как улетающий осенний листик к породившему его стволу.

Двор заканчивался тупиком: со всех сторон он был обнесен высокой кирпичной стеной. Витя в ярости ударил по рулю. Угрюмо квакнул клаксон. Они заперты, их прижали, выхода нет. Через минуту преследователи будут здесь, им не уйти.

Филя поспешно выскочил из автомобиля и побежал назад, но увидел, что уже поздно. Одна за другой во двор въехали три черные машины, из которых повалил народ – громилы в кожаных куртках. Они, как зайцы в половодье, заполнили собой небольшой островок двора, но близко не подходили.

– Чего они ждут? – слабым голосом спросил у Вити Филя.

– Когда я ствол достану. Но я не такой, на провокации не поддаюсь. Садись в машину, что ты вылез? На мне кольчуга, а тебя подстрелят, как куропатку, и пиши пропало.

– Эй, ты, чучмек! – крикнул один из парней в куртке. – Отдай, что взял, и мы тебя не тронем!

«Верно, это и есть те самые калмыки, – подумал Филя. – Нерусский говор».

– Ошибка вышла, братаны. Я не брал, – неожиданно весело откликнулся Витя, поднимая руки ладонями вверх. – У меня ничего нет, можете обыскать. Подходите ближе!

Предложение калмыкам не понравилось. Они с опаской отступили к машинам и, собравшись в кучку, принялись шушукаться.

– Рамзан тебя обыщет, – вынесли они свой вердикт и вытолкнули вперед худого паренька. Его огромная голова неуверенно крепилась к тонкому стеблю шеи, который, судя по всему, мог в любой момент переломиться. Филе, противу желания, стало его жалко.

– Что ты у них украл? – шепотом спросил он у Вити.

– Ничего! – невинно откликнулся тот. – Слушай, это ведь не твои проблемы, ты беги, я там калитку углядел. Возьми только мой платочек, он тебе пригодится – ручка скользкая.

Он всунул ему сложенную конвертиком тряпку и шагнул вперед, навстречу Рамзану, который приближался к нему по-куриному, бочком. Филя не видел в стене никакой калитки, но из этой передраги надо было выбирать, а калмыки вовсе не спешили расчищать ему путь. Он шагнул назад и успел пройти несколько метров, прежде чем услышал гневный окрик: «Стой!» Это его подстегнуло, и он побежал к стене.

Над головой что-то просвистело и вонзилось в ближайшее дерево. «Стрела!» – с удивлением отметил Филя. Он ожидал всего, чего угодно – ножа, пули, даже камня, но не стрелы. Над головой пролетела еще одна и исчезла в темноте за стеной. Двор наполнили звуки драки и боевой рев Вити, разгоняющего калмыков богатырским кулаком. Когда Филя обернулся, он увидел, что Рамзан повалился на землю и тихо отползает под машину. Несколько калмыков с пыhtением ловило Витю, который прыгал и уворачивался от их неловких рук, попутно раздавая тумаки.

Калитка нашлась не сразу. Окрашенная в цвет стены, она не бросалась в глаза. Ручка и правда оказалась скользкой, но поддалась без проблем, платком пользоваться не пришлось. Филя шмыгнул за дверь и припер ее с внешней стороны парой поленьев, которые обнаружились неподалеку. Преследователей это надолго не задержит, но даст минуту-другую форы.

Оказавшись снаружи, Филя долго не мог сориентироваться, куда же идти. За стеной раскинулся неухоженный сад. Со всех сторон торчали колючие кусты – голые, полные колких сучьев ветви. Филя рванул напролом, как медведь, энергично отмахиваясь от веток руками. Снег сыпался ему за шиворот, ноги путались в сухостое. Через некоторое время он понял, что его не преследуют, и пошел медленнее. Теперь он беспокоился за Витю, который остался один на один с кучей недругов. Нет, возвращаться Филя не собирался, но совесть уже вонзила лисьи клыки в его незащищенное сердце.

Деревья расступились, и он оказался во дворе соседнего дома – высокого, со слепыми окнами. Филя осмотрелся и понял, что это какое-то присутственное место или контора, покинутая людьми до утра. Через арку он вышел на оживленную улицу. Каменную мостовую покрывала тоненькая корка льда, и камни, окаймленные снегом, блистали в лучах фонарей, как речные валуны, проступающие на свет божий из-под бурных вод. Филя шел, оскальзываясь, врасстырку. Не дать не взять птица пингвин! От напряжения занули ступни, захотелось, несмотря на лютый холод, снять обувь и размять их докрасна.

Теперь Филя боялся останавливать такси и решительно не знал, что ему делать. Пройдя квартал, он в беспомощности застыл у столба, обклеенного объявлениями.

«Пропал петух бойцовой породы. Хвост и бока черные, откликается на кличку Бася. Нашедшему вознаграждение».

«Продаю дачу. На участке баня, коровник, плодовые деревья. Двенадцать верст от Бурга, рядом озеро и лес. Пятьсот рублей. Торг уместен».

«Куплю за золото подсвечники, фарфор, патефоны, зонты, статуэтки, иноземные марки и монеты. Дорого».

«Пошив шуб, малахаев, тулупов из меха заказчика. Качественно и в срок. Модели на любой вкус и кошелек».

«Дом отдохновения «Пышка». Мы знаем все о ваших желаниях».

Последнее объявление заставило Филю покраснеть. Он слышал от своего друга Коли, учившегося в столице, о таких домах. Рассказы всегда изобиловали дерзкими подробностями, а заканчивать Коля любил их так: «Потом мы купили шампанского, и...» Тут он замирал, делал сладострастную дулю губами и закатывал глаза к потолку. Филе трудно было сознаться в этом даже самому себе, но, отправляясь в Бург, он лелеял в глубине души надежду попасть в один из таких домов отдохновения. Конечно, для этого требовались деньги, но он же заработает их в конце-то концов! Ведь один раз в жизни можно себе позволить шалости, а потом – потом влачить жалкое, но праведное существование, в котором нет места шелковым чулкам, медовому аромату духов, алому рту. В Бурге Филя собирался рисовать иконы, а в таком деле главное чистота помыслов, поэтому все, что может предложить юноше столица, надо было испробовать до того, как он пристроится в мастерскую.

Пока Филя разглядывал столб и уносился мечтами в прятные альковы дома отдохновения, из-за поворота вывернул трамвай. Его карминные бока были щедро заляпаны грязью, на крыше заливчатски лежала шапочка снега. Филя бросился к открывшимся дверям и крикнул кондуктору:

– Улица Пушкина! Я доеду?

Кондуктор отрицательно покачал головой:

– Мы в парк. Жди следующего.

– А сколько ждать-то?

– Почему я знаю? – зевнул кондуктор и, стащив форменную шапку с головы, помахал ею в сторону рта, нагоняя туда морозного воздуха. – Стой тут, что-нибудь приедет.

Двери захлопнулись, и трамвай покатил по рельсам, весело поскрипывая. Он торопился домой. Филя вернулся на тротуар и принялся перечитывать объявления. Еще немного, и он будет знать их наизусть, вплоть до телефонных номеров. Внезапно навалилась нечеловеческая

усталость, хотелось сесть на крутобокие камни и уснуть, выкинув из головы все проблемы и заботы. Прошло не менее получаса, Филя приткнулся к столбу и вяло следил взглядом за проезжающими автомобилями. И вот показался трамвай. Он неохотно полз вперед. В перестуке его колес чудился скрытый гимн лени и вечерней ломоты в костях. Филя забрался в полупустой вагон, пристроился у окна и замер, согреваясь. Когда кондуктор объявил остановку «Улица Пушкина», пришлось бороться с собой, чтобы встать и выйти обратно на холод. Метель мгновенно сдула накопленное Филей тепло, он зябко и безнадежно приплясывал, кляня промозглый ветер – визитную карточку Бурга.

Дом тетки, сестры отца, оказался двухэтажным особняком с мраморными колоннами и портиком в греческом стиле. Окна были завешаны тяжелыми шторами, через которые едва пробивался свет. «Шикарно живет», – подумал Филя, оглядывая массивную дверь с бронзовой ручкой в форме выгнутого ижицей льва. Муж тетки, генерал, в бытность еще желторотым офицеришкой, отличился на войне – спас от пули чуть ли не самого императора, был тяжело ранен и впоследствии удостоился медали за отвагу. После этого его карьера рванула вверх, он дослужился до чинов-орденов, оттяпал себе право распоряжаться заказами на провиант, и после этого денег в семье хватило и на покупку особняка, и на балы, и на собственную мыловарню. Десять лет назад генерал преставился, и тетка зажила вольготно, тираня единственную дочь угрозами лишиться ее наследства. Отец Филя предпочитал держаться в стороне от семейных склок, поэтому посылал сестре раз в год открытку на Рождество и запрещал детям принимать от нее предложения погостить. Но вот теперь, когда отца не стало, тетка и ее дочь были его единственными живыми родственниками. Почему бы не воспользоваться их гостеприимством?

Филя долго топтался на пороге, подбирая слова, с которыми он обратится к тетке. Надо было объяснить, как и где он потерял Настеньку, почему явился без вещей и так поздно. Если раньше он боялся показаться деревенщиной и слюнтявым растяпой, то теперь приходилось входить в этот помпезный дом почти преступником. Чем оправдаться? Как начать разговор?

Нет, медлить больше нельзя. Филя поднял руку и крепко нажал на кнопку звонка. Дверь тут же распахнулась, и в лицо ему полетел грязный кулек.

– На, держи! Больше нет ничего. И убирайся, чтоб духу твоего здесь не было.

Ошеломленный, Филя развернул кулек и увидел там две гнилых морковки и несколько черствых булок, одна из которых была щедро сдобрена плесенью.

– Постойте, – сказал он. – Произошла ошибка. Я Филимон!

– Какой еще Филимон?

– Племянник Анны Васильевны. Пустите, пожалуйста, я замерзаю.

Дверь отворилась, на пороге стояла маленькая, согбенная старушка в шерстяном платке. Она придирчиво осмотрела Филю с ног до головы и сказала:

– Проходи, коли не шутишь.

– Да не шучу я! – в раздражении воскликнул Филя, рванув в тепло. Ему не терпелось оставить эту метель за спиной.

Он оказался в полутемной передней, где старушка с цепкостью павиана стащила с него пальто и заставила разуться, предложив тапочки. Он был готов на все, лишь бы онапустила его в гостиную, к камину.

Но только он шагнул вперед, как наткнулся на что-то мягкое, пахнущее морем и водорослями. Он отскочил, и в тусклом свете лампы увидел чудовище – жуткую Горгону с грозно открытым ртом и гневными дугами черных бровей.

Филя окаменел, как жена Лота. Бежать, бежать отсюда! Но ноги не слушались, и только сердце звучно бухало в груди, как бы переваливаясь с ухаба на ухаб. Спасенья нет, есть ужас и тьма.

Горгона

Филя отступил к двери, пытаясь проглотить сердце, которое вылетело из грудной клетки и скользнуло прямо под язык. Внезапно зажегся яркий электрический свет. Он на мгновение подарил спасительную слепоту, чьи-то руки, пухлые и липкие от пота, потянули его вперед. Филя приоткрыл один глаз и увидел в проеме двери женщину неопределенного возраста, грузную, в парчовом зеленом халате с рисунком в виде извивающихся змей.

– Тетя? – проблеял он, разлепляя второй глаз.

– Гм, – откликнулась Горгона и тряхнула головой, полной разноцветных бигуди. – Ты кто такой будешь? Уж не племянничек ли мой, Филимон?

– Это я, я. Здравствуйте!

– И тебе здоровьишка. Проходи быстрее, чего топтаться у входа. Дует!

Горгона развернулась и уткой заковыляла вглубь дома.

«А ведь она не такая уж страшная, – подумал Филя и для убедительности подергал себя за ухо. – Просто я не вовремя явился, вот она и не при параде. Как же ей все объяснить? Поверит ли?»

Старушка тем временем забежала вперед и включала свет в комнатах по ходу их движения. Филя не понимал, куда Горгона его ведет: большую гостиную они минули, малую гостиную, предназначенную для приема важных особ, тоже. Комнаты сменяли друг друга, на стенах пестрели гобелены, картины, эстампы, попался камин – над ним, на полочке, стояли великолепные золотые часы в форме собора святого Петра. У каминной решетки, свернувшись калачиком на ковре, лежала облезлая болонка. Между тощих задних лап сверкало польсешее розовое брюшко. Болонка не подняла головы, она крепко спала. Горгона продолжала свое шествие, как будто хотела за один раз познакомить Филю со всем домом. И только достигнув столовой, решила сделать привал.

На столе виднелись остатки трапезы. Скатерть была чуть смята, три огромных тарелки стонали под грузом костей и огрызков разной величины. Рыбья вонь стала нестерпимой. «Она китов живьем кушает, что ли? Неслабый аппетит!» – дивился Филя, разглядывая округлый мосол размером с боксерскую перчатку. Ему было не по себе. На какой-то самый крошечный миг он допустил мысль, что тетка отужинала человечиною – морскими утопленниками. К счастью, эта чепуха испарилась из головы почти тут же, как только возникла.

Горгона жестом приказала ему сесть, и Филя опустился на стул, который под его весом чуть прогнулся и скрипнул от неожиданности. Столовая, в свое время обставленная со вкусом, давно обветшала. Обивка сидений казалась потрепанной, ножки стульев были неприлично раскорячены, на скатерти виднелись застиранные пятна. В плотные занавески набилась пыль, сделав их мутно-голубыми. Филе пришлось в голову оригинальное сравнение: будто бы окно – это испещренное морщинами лицо, а занавески – старческие седые космы, висящие вдоль щек. Он хотел развить мысль, но его остановил кашель тетки.

Когда Филя взглянул на нее, он от удивления уронил челюсть. Горгона зверем грызла кость. Ее красный язык туда-сюда скользил по мослу, и в желудке у Фили опять зашевелилась клочковатая тошнота.

– Чего молчишь, племянничек? Воды в рот набрал? – ухмыльнулась Горгона, бросив кость на тарелку.

– Я... – нерешительно начал Филя, и слова, как осатаневшие пчелы над разоренным ульем, заметались у него в голове. – Я очень рад вас видеть, тетя. Как вы поживаете?

– Да лучше всех! – откликнулась та, с интересом рассматривая необглоданные кости. – Где тебя черти носили весь день? Ждала поутру, самовар велела поставить, плюшек Ильинична напекла. А теперь вот сиди без плюшек, съели мы их за день.

– Простите, меня задержали экастро... экстрато... экстраординарные обстоятельства. Филин язык разбух и едва ворочался между зубов, ватный и толстый. Тетка иронически хмыкнула и сказала:

– Ты изъясняйся попроще, и будет тебе счастье. Говори, где был? И где, леший тебя дери, Настенька?

Вот и подошли они к главному вопросу. Вот она, Голгофа. Филя набрал побольше воздуха в легкие, посмотрел на потолок, где кружились в вихре цветов упитанные, напоминающие молочных поросят купидоны, и выпалил:

– Настю украл краб!

Гласные провалились, и, словно со стороны, Филя услышал, как произносит только сухое «кр-кр». Тетка, тем не менее, расслышала все, как надо, и вздыбила домиком одну бровь, как будто переломила ее от удивления.

– Крааааб? Да что ты говоришь? Уж не Григорий ли свет Антонович?

– Он, он! – Филя вскочил. – Вы его знаете? Едемте к нему! Надо забрать Настеньку, я...

– Пстой, пстой, молодой человек. Сядь-ка, не виси надо мной. У меня шею прострелило, не могу задирать. Садись, кому сказано!

Филя сел на краешек стула, готовый сорваться в любую минуту.

– Вот что я тебе скажу, – промычала Горгона, присасываясь к кости жирными губами. – Ты напраслину на хороших людей не возводи! Не мог Григорий Антонович украсть дитя, не ври, не поверю. Сам, небось, отдал сестру цыганам, и придумки мне тут придумываешь, над теткой измываешься. Я вас из Гнильцов зачем к себе выписала? Думаешь, ты, недоросль, мне нужен? Корми тебя, пои, платьем обеспечивай, потом ты денег у меня попросишь. Нет и нет! Я Настеньку, сиротку, забрать к себе хотела. Бедняжка растет без материнской любви. Уж я б ее согрела, нарядов от Варьки куча лежит неизношенных... А теперь из-за тебя все прахом!

Филя попытался возразить, но Горгона жестом остановила его.

– Не перебивай, молод еще перебивать! Видно, покойник Митька мало тебя порол. Я ж ему писала – пори по субботам после бани без пропуска, иначе загубишь ребенка... О чем это я? А, вот! Переночуй у меня сегодня, так и быть, а завтра чтобы духу твоего не было. Пока Настеньку не найдешь, ты мой порог не переступишь. И слово мое крепкое! Ильиничне прикажу Полкана на тебя спускать. Сунешься – порвет портки в лоскуты. Понял меня? Понял?

Чего уж тут было не понять! Филя потупился. Он усиленно рассматривал выщербленный паркет, на котором особо выделялись следы собачьих коготков. Конечно, он недосмотрел за сестрой, но он все же надеялся, что влиятельная тетка поможет ему в поисках.

– А вы знаете... – тихо начал он.

– Говори громче, – гневно рявкнула тетка. – Еще шептать мне тут будет! Выискался скромник! Сидит, глазки опустил, мол, не виноват, пожалейте. У, ирод!

Горгона, казалось, распаляла саму себя, чтобы изгнание Фили из дома выглядело последней, вынужденной мерой наказания для отпетого негодяя.

– Я хотел спросить, где живет Григорий Антонович. Вы знаете? – уже тверже сказал Филя и вдруг, дивясь своей наглости, ухватил с ближайшей тарелки ржаной колобок и полностью записал его в рот. Терять было нечего, а голод от нервов накатил свирепый.

– А ты, я гляжу, нахал! – тетка откинулась на спинку стула и скрестила на груди полные руки. Филя заметил, что они сплошь были покрыты волосками, которые встали дыбом то ли от холода, то ли от возмущения. – Ничего я тебе не скажу! Еще заявись к нему и будешь морочить голову, меня опозоришь. Дудки! И забудь об этом думать. Ищи Настеньку там, где потерял. А теперь уходи, сил моих нет на тебя смотреть. Ильинична тебя проводит. Все, ступай, а завтра выметайся.

Филя пожал плечами и встал. Немного подумав, он схватил со стола еще три ржаных колобка и вышел за дверь, где его поджидала старушка.

– Распекала? – спросила она шепотом.

– Да уж, не без того, – пробурчал Филя, шагая за ней по темным коридорам. Свечка в руках у старушки ходила ходуном, и пламя ее дергалось, как маленькая живая фея, запутавшаяся в паутине.

«Электричество экономит! Скупердяйка!»

– Не бойся ее, она добрая, – примирительно сказала старушка и отворила перед ним низкую дверь. Филе пришлось наклониться, чтобы пройти внутрь. Он уже хотел возразить, что вовсе тетка не добрая, а наоборот суцая мегера, как пребольно врезался головой в потолочную балку. Старушка отдала ему свечку, шепнула: «Спи-отдыхай!» – и исчезла. Ему предстояло провести ночь в чулане под лестницей, где, застеленная ветошью, стояла жесткая койка, на которой, должно быть, спал тот самый Полкан, упомянутый теткой как разрыватель штанин. Смердело собачатиной, в углу деловито скреблась мышь. Филя неловко повернулся, и на него повалились щетки, швабры, тряпки, за шиворот угодил обмылок, который пришлось вылавливать, вывертывая руки кренделями.

Кое-как Филя отодвинул щетки, мышь при этом на пару минут затихла, испуганно прислушиваясь к возне нового жильца. Ветошь он тоже сбросил на пол и лег, не раздеваясь, на жесткие доски койки. Да лучше б он остался в камере! Там хоть меньше воняло, и был собеседник. Филя долго ворочался. Он был довольно костляв, за последние три месяца с его тела исчезло последнее мясо – он копил деньги перед поездкой в Бург и часто пропускал ужин, который и без того был крупа да вода, и даже без масла. Лучшие куски оставлял Настеньке. Принесет соседка яичко – он его готовит сестре. Даст дед Силантий меду – сестра кушает. Вот и отощал, а теперь поспи-ка на хребтине! Встретились в чулане две тверди – старая древесина и молодые хрящи.

И все же он уснул. Дрема упала на него, как подушка на лицо, разом забив дыхание. Он плыл по длинной реке – во сне она ему казалась синей веной, пронизывающей тело-равнину насквозь, от макушки до пяток. Поток разносил холод по всем клеткам, и вот уже мышцы стали льдом, кишки сковало, под носом сосулька выросла. Вдруг сквозь мертвенную стужу прорвался тихий голос, теплый, как хомячок, зажатый подмышкой.

– Вставай! – шептал он. – Рисуй!

– Как же я буду рисовать? – спросил Филя. – Ведь темно. Свеча потухла.

– А ты подуй на нее, она и загорится.

Филя сел, в руке его, как у покойника, была зажата свеча. Он дунул на нее легонько – почти не выдохнул ничего, так, поцеловал воздух, и вспыхнуло пламя. Оно было ярким и праздничным. Сердце, окаменевшее от невыплаканной слезы, медленно оттаивало. Оно билось так громко и настойчиво, что у Филя зазвенело в ушах.

– А что теперь? – спросил Филя. – У меня ведь ни бумаги, ни чернил нет.

– Как это нет? – удивился голос. – В кармане посмотри!

Филя вынул тряпицу, которую дал ему Витя. Только сейчас он понял, что это был кусок старого пергамента, выданный из церковной книги. Буквы были впопыхах соскоблены, текст различался, но прочесть его Филя почему-то не мог, перед глазами плыло.

– А чернила? – спросил он.

– Кровушка-то тебе на что? Ножик под кроватью, режь!

Филя наклонился и нащупал нож. Это была суровая финка с металлической ручкой, на которой выпукло блестел корявой чешуей завитый в три кольца дракон. Филя долго думал, что резать: палец кольнуть или сразу жилу.

– Пальчик! Пальчика будет достаточно, – шепнул голос ласково. Он напоминал заботливого дядюшку, который уговаривает мальчика принять укол. Ведь не членовредительство это, а медицинская процедура.

Филя зажмурился и чиркнул по пальцу лезвием. Боль обожгла руку, и он закусил губу, чтобы не застонать.

– Чего ты ждешь? Рисуй, – потребовал голос.

Филя окунул в собственную кровь указательный палец, осмотрел его, будто видел впервые, и нанес на тряпицу несколько мазков наугад. Он вдруг понял, что рисовать с закрытыми глазами ему сподручнее – вид крови не так волновал и рука двигалась увереннее. Рана начала затягиваться и подсыхать, а еще надо было сделать пару десятков мазков.

– Режь еще! – плотоядно сказал голос. – Не жалея, до свадьбы заживет.

«А будет ли она, эта свадьба?» – подумал Филя, расковыривая рану. Кровь хлынула с новой силой, покатила по ладони, залилась в рукав. Наконец рисунок был закончен, и Филя в истоме опустился на кровать. Тряпица расположилась у него на животе.

– Отдыхай, картограф, и жди гонца! – шепнул голос напоследок и затих. Мышь пронзительно пискнула, заскреблась в агонии. Раздался неприятный хруст, кто-то пережевывал хлипкие кости, давась шкуркой. И вот опять ночное беззвучие поглотило все кругом – и щетки, и рванину на полу, и скорченного в позе эмбриона Филю, и тряпицу, упавшую с его тела на доски кровати. Ничего не было, тьма и пустота воцарились в чулане, и не было им имени, ибо имена дают лишь живым и мертвым. Не было снов, и поэтому, когда мучительная зябь пробудила Филю, он чувствовал себя усталым, выпитым до дна. Хотелось к огню, к людям, но не было сил встать.

Дверь заскрипела, вошла старушка. Ей не пришлось нагибаться – видно, когда делали этот чулан, потолок вымеряли ей по росту.

– Ты, часом, не помер? – она потрепала его по щеке, почти нежно, почти по-матерински. – Вставай, уж полдень. Хозяйка злится, тебя к себе требует.

Филя сел и огляделся. Спросонок он не мог понять, где же находится, вокруг все было незнакомое. И кто эта бабушка в шерстяном платке и домотканом платье?

– Батюшки! – вскричала старушка. – Чтой-то у тебя рука вся в крови?

Филя тупо посмотрел на руку. И правда, левая кисть была неприятно стянута корочкой запекшейся крови. «Сильно я зацепил, надо было пощадить палец», – подумал Филя, и взгляд его пал на тряпицу. Сон как рукой сняло. Он быстро схватил ее и спрятал. Никто, никто, кроме него, не должен этого видеть. Заметила ли старушка? Но она, казалось, оцепенела от вида крови и тихо подвывала от жалости, причитая и всплескивая по-беличьи худыми руками.

– Это... я тут в темноте на ножик напоролся, – брякнул Филя, смущенно оправляя ворот рубашки. – Ничего, уже зажило, мне совсем не больно.

– Какая ж темнота? – удивилась старушка. – Я почто тебе свечу дала?

– А она потухла, – простодушно сказал Филя. – Как я тут один остался, сразу же. Я полез спички искать, а там ножик. Вот он...

Ножа нигде не было. Финка с драконом, грозная, как зуб хищника, исчезла, видимо, завалившись куда-то под вонючее тряпье. Копаться в нем Филя побрезговал.

– Пойдем, мой сладенький, я тебя перевяжу, – сказала старушка, и Филя, согретый нежданной заботой, малым тельцем поплелся за ней. Они добрались до кухни, где стоял пар от многочисленных кастрюль и сковородок. Старушка наполнила миску водой и погрузила туда раненую Филину руку. Палец неприятно защипало.

– Терпи! – сказала старушка, увидев, как Филя морщится. – Сейчас анисовой водкой протру.

Откуда-то из недр шкафа она вытащила штоф и откупорила его. Терпкий запах аниса ударил в ноздри, вспомнились пастилки от кашля, которыми мама любила потчевать Филю, когда у того болело горлышко. Плеснув водки на чистый кусок полотна, старушка нежно протерла ему каждый палец, мурлыча себе под нос.

У Фили кружилась голова. Ему было приятно, что есть в этом городе хоть одна живая душа, которой не все равно, что у него приключилось с рукой. И все же он хотел побыстрее остаться один, чтобы рассмотреть рисунок – тот, что он собственной кровью вывел на Витиной тряпице. Значит, это был не сон! Да не сошел ли он с ума? Говорят же, что сумасшедшие слышат голоса и повинуются им. Вот и его черед настал! Увезут в желтый дом, и тогда кто будет спасать Настеньку? Тетка? Эта бессердечная Горгона? О, злая сиротская доля!

– А поесть можно? – спросил Филя, когда старушка справилась с перевязкой. Запахи кухни душили его, и он сглатывал поминутно набегающую слюну.

– Вот, держи, только хозяйке не говори.

Старушка поставила перед ним полную миску дымящейся каши. Филя судорожно ел, обжигая язык и отфыркивая комки. Каша была масляной, сладкой, невыразимо вкусной, и он думал только об одном, можно ли попросить еще. Когда он закончил, старушка второй раз наполнила миску. Он уже ел медленнее, сосредоточенно и важно, как привык делать дома. Третью миску он опорожнил только наполовину, и остаток торопливо был унесен. Видно, за ним доест Полкан или плешивая хозяйская болонка. Внезапно Филя вспомнил, что украл из столовой колобки, но в карманах их не оказалось. Съел во сне? Догрызла мышь? Унес таинственный обладатель голоса?

Чертовщина творится, да и только. Филя встал, отряхнулся, поблагодарил старушку за завтрак, и они вместе двинулись в гостиную, где их поджидала хмурая и оттого казавшаяся еще более грузной Горгона. Она утопала в огромном плюшевом кресле с вычурными ручками, в ногах на бархатной подушке дремала та самая болонка, растопырившая лапки, как дохлая.

– Спать до обеда изволим, барин? – поинтересовалась Горгона. – Ты, да ты – она показала пальцем на Филю – пойди-ка сюда, поближе. Я тебе что сказала, утром выметайся. Времени уже час, а ты все здесь. Как это понимать?

– Не успел выместись, – сказал Филя.

– Ты мне не дерзи! – взвилась Горгона. – Молоко еще на губах не обсохло! В наше время молодежь стариков почитала, в пояс кланялась, шапки ломала. А он, видите ли, рассупонился тут и стоит фертом. Щенок!

«Опять распаляется, – подумал Филя, отступая к камину. – Сейчас еще ударит».

Но тетка лишь топнула ногой, разбудив при этом болонку, которая испуганно взвизгнула и вскочила – морда в липкой слюне, глаза в кучу. Собачка покрутилась, кусанула блох, резвившихся в чахлой шерсти и улеглась обратно как ни в чем не бывало. И захрапела, тварь такая! Филе ужасно захотелось спать, под веками будто перекатывался песок.

– Ну, я пойду тогда, – сказал он грустно. – Прощайте, тетя!

– Я тебя еще никуда не отпускала, – заявила Горгона. – В моем доме я решаю, кому когда уходить. Слушай меня, недостойный отпрыск семейства. Я приму тебя назад только с Настенькой, моей куколкой, а без нее можешь на порог не показываться. Ты меня понял, олух царя небесного?

Филя почувствовал, как гнев распирает ему ребра. Довольно оскорблений с него. Сжав крепче кулаки, чтобы не вырвалась грубость, он коротко кивнул и направился к двери.

– И денег не дам, помни! Хоть с Настенькой, хоть без. Не дам! – неслось ему вслед.

«А мне и не надо, – злился он. – От вас я и медной полушки не возьму. С ваших денег грязь не сходит».

Старушка подсуетилась и ловко накинула ему на плечи пальто. Вне себя от глухой, едва сдерживаемой ярости, он вышел, не поблагодарив ее. Пуговицы застегнул только на улице, когда ветер забрался к нему за пазуху и принялся там баловаться. Все, теперь он остался совсем один – ни родственников, ни друзей, отрезанный ломоть. Что делать? Куда идти?

– Замерз, цуцик? – весело спросил знакомый голос.

Филя поднял глаза и увидел, что у обочины стоит автомобиль: окно приоткрыто, и из него высовывается розовощекое лицо Вити.

– Садись, – сказал Витя. – Долго же пришлось тебя ждать. Весь бензин сжег. Давай быстрее!

Филя оглянулся, бросил прощальный взгляд на теткин дом и сел в машину. Там было тепло, пахло табаком и семечками. Витя сиял улыбкой, как будто выиграл в лотерею миллион. Под правым глазом разлился могучий фингал, от уха вниз шла рваная царапина. Чисто кот! Дранный, дворовый бандюга, расхититель воробьиных гнезд.

Филя улыбнулся в ответ.

– Как ты спасся? – спросил он.

– Не спрашивай, долгая история. Помяли маленько бока, но живой ушел. Они меня прижали к стене, я за камушки зацепился и вскарабкался. Один меня такой за ногу хватать, я ему по рылу галошей съездил. Перемахнул стену и ходу, а там темень, колючки со всех сторон. Вот, зацепило, – Витя показал на царапину и махнул рукой, дескать, это мелочи, забудь. – Догонять не стали, сами боятся. Я одной левой могу десятерых забороть.

Витя подумал немного, не слишком ли прихвастнул, и добавил с важностью:

– Ибо Витязь.

– Куда же мы поедem? – спросил Филя. – Я теперь официально бездомный.

– Ко мне, – сказал Витя, заводя мотор. Машина взревела, чихнула и окуталась густым паром. – Тряпочка, что я дал тебе, не потерялась?

В голосе Вити чуть слышно звенела тревога.

– Не потерялась, но я ее испортил.

– Как испортил? Порвал?!

– Нет, хуже, – и Филя протянул ему тряпицу рисунком вверх.

Гомункул

Они одновременно посмотрели на нее. Перед ними была карта, изящная и детальная. И не скажешь, что она нарисована человеческой кровьюю.

– Это же Караван-сарай! – закричал Витя, вырывая карту у Филя. – Едем туда.

Машина рванула с места, издав мощный рык.

– Что еще за Караван-сарай?

– Дом такой громадный, отсюда верст пять на восток. От него начинается Великий Степной Путь.

– И что мы там будем делать? – Филя задергался в кресле, как кролик в силках. Странное предчувствие охватило его.

– А ты посмотри, на карте все написано, – откликнулся Витя, зорко осматривая дорогу. Он опять ждал погони, и теперь Филя начал понимать, из-за чего весь сыр-бор. Вот из-за этой тряпицы! А теперь, когда он на ней нарисовал карту, им живым не уйти. Калмыки с них кожу сдерут – да не чулком, а кусочками, чтобы помучались подольше. Надо было заткнуть ночью уши и не обращать на искусителя никакого внимания. Поддался он, слабый, не уловки хитрой бестии, пустил в душу потоптаться! Как он смог в темноте вязкой кровью нанести такой тонкий рисунок? Да еще изобразить то, что никогда в жизни не видел! Нет, его рукой двигала нечистая сила, и теперь он расплатится сполна. А вдруг это не просто карта, а договор? Вдруг он обрек себя на вечное служение тьме, подписавшись кровью? Тьфу, тьфу, ужас-то какой!

Филю пожирал изнутри адский огонь, на лбу выступил пот, и обманчиво лениво, никуда не торопясь, по щеке потекла капля. Она пробиралась к шее и закатилась за воротник. Витя крутил руль, машину то и дело заносило. Карта лежала, распластанная, на приборной доске, и смотреть на нее было больно. И все же Филя не мог не заметить, что один из нарисованных кровью домов, окружавших Караван-сарай, подписан. Готическим шрифтом над ним было выведено «Гомункул». Что это означало, Филя не знал, только понял, что ничего хорошего.

– Витя, а кто такой Гомункул? – осторожно спросил он.

– Почем я знаю? – огрызнулся Витя. – Не отвлекай. Быстрее доедем – целее будем.

– Как скажешь, – вздохнул Филя и взял карту в руки, чтобы рассмотреть.

Караван-сарай был огромным сооружением с внутренним двором, где росли плодовые деревья. Во всяком случае, на одном из них висело яблочко. Караван-сарай был не что иное как рынок, где можно купить диковины востока – сочную золотистую курагу, сладчайший мед, сморщенные, похожие на пальчики купающихся негрятят, финики, кувшины ручной работы, золотые блюда, кинжалы дамасской стали, осликов в хозяйство, переливчатый, ласковый к рукам шелк, душистую мирру, драгоценный шафран, резные шкатулки, сделанные из цельного куска красного дерева. Филя повел носом и явственно учуял запахи рынка – пьянящие, экзотические, густые. Он вздрогнул от удивления – нет, ему не показалось. Карта источала запах. Но ведь она не может пахнуть ничем, кроме как кровью, да и та, засохнув, для человеческого носа вроде уже и не существует. Наваждение, чертовщина!

Чем дольше Филя смотрел на карту, тем сильнее росло в нем удивление. Дом с надписью «Гомункул» был самой прорисованной частью карты. На крыше виднелся цветочный рисунок, у порога лежал пушистый коврик с надписью «Открыто». Буквы были такие маленькие, будто он рисовал их не пальцем, а самым тонким пером. Сверху топорщилось изогнутыми лучами огромное солнце. Оно по-разбойничьи недобро кривило рот. По краям шла рамочка в виде виноградных листов и кистей. И все это он набросал почти в темноте, при свете одной лишь свечи, а то и вовсе без света, в слепоте телесной и душевной! Филя бы не поверил сам себе, если бы не узнавал в каждой черточке, в каждой детали свой стиль. Вот хвостик у буквы «Люди» точно такой, какой он обычно выводит, когда пишет свое имя. Яблочко и то вспомнилось: он

рисовал его в качестве этюда, будучи пригостишкой. Это его рука, без сомнения! Но это не его карта, он была ему нашептана, напета демоном. И она – страшный грех, который навсегда закроет ему путь в иконописцы. Права была цыганка!

От этой мысли Филю напрочь сковало. Вот оно что, цыганка! Она знала о том, что произойдет этой ночью, а он ей не поверил. Испугался поначалу и забыл. Все гадалки – плутовки, так говорила покойная матушка. Цыганам веры нет, цыгане лжецы, бедовые ребята. Нельзя допытываться у судьбы, куда она захочет вильнуть, потому что она, коварная, обязательно повернется не так, как ты ожидаешь. Цыгане умеют наступить ей на хвост, но правды никогда не скажут: им ведь что, только денежки выманить! Застращать, наврать с три короба, наплести про недругов, порчу, сглаз, привороты, а под шумок обокрасть, кошелек там срезать или часы выудить. Другого интереса у них нет. Но эта цыганка не обманула! Она видела метку злого рока на его руке, предупредила, а он не внял. Олух, и правда олух! Только уже не царя небесного, а князя подземного. Но как он мог это остановить? Ведь демон застал его врасплох, спящего. Ему бы кинуться вот из чулана и не спать до утра, а он разнюнился, развалил тело на досках и попался в сеть. Ох, и дурак!

Витя тем временем чуть ослабил хватку на руле. Погони не было. Он засвистел развеселую мелодию, но покосился на мрачного Филю и затих.

– Не думай, я тебе ее не нарочно дал, – сказал Витя извиняющимся тоном. – Они пришли, надо было как-то спасать. Кто ж знал, что ты этот...

– Кто? – резко спросил Филя. – Кто?

– Ну, картограф. Я думал, фетюк, простофиля. Ты уж прости, не разглядел. Вашего брата на улице не встретишь. У тебя и вид-то не такой, как у них бывает.

– А какой у них бывает вид?

– Разный. Скажем, нос крючком до губы или глаза черные. У одного, говорят, на щеке была бородавка пупырчатая, из нее волос торчал.

– Стало быть, надо обзавестись бородавкой?

– Зачем же? Ты и так скоро себя не узнаешь. Вот, смотри, у тебя уже прядка седая появилась. За одну ночь всего, а сколько их еще будет!

Филя быстро опустил стекло и высунулся, чтобы рассмотреть себя в зеркале. Так и есть, над левым виском волосы словно обнесло ином. Он дернулся к ним рукой, пригладил – нет, не краска. Поседели! Он обреченно вздохнул, закрыл окно и откинулся на сиденье.

– А кто они, эти картографы? – глухо спросил Филя. Голос едва вырывался из нутра, словно кто-то невидимый накиннул леску-удавку и потихоньку затягивал ее, стараясь не пугать жертву сразу до обморока.

– Картографы-то? Я, вишь, немного знаю. Только если тебе что-то приспичило разыскать – вещь, человека или дом – это к картографу. У нас их все боятся.

– Почему?

– Говорят, они могут смерть нарисовать, и тогда труба! На другой день околеешь.

– Обещаю, твою смерть я рисовать не буду.

– Э, – сказал Витя и покачал пальцем. – Не зарекайся. Кто знает, как обернется дело. Может, и нарисуешь.

И тут Филю осенило. Если картограф может искать людей, рисуя карты, значит, и Настенька найдется. Он справится сам, без полиции, теперь у него есть силы, пусть и дурные, запретные. На мгновение глупое сердце окрылилось надеждой, воспарило и тут же рухнуло назад, в угрюмые глубины. Нет, нельзя этим заниматься. Погубить душу страшно, ведь дорога к дьяволу – она без возврата, от крови не отмоешься, Бог не примет. Должен быть способ вернуть сестру и самому при этом не загубиться. Может, Витя поможет, или полиция очнется и нагрянет к крабу с обыском. Он, Филя, не обязан лезть в пекло, даже если оно перед ним и разверзлось. И все же что-то сладко пело внутри: падай, падай, я жду. Я здесь, я жажду, приди!

Пытаясь заглушить манящий голос, Филя стал вспоминать комнату за комнатой дом тетки. Блуждание мыслью по дому всегда помогало ему освободиться от нагрянувшей тоски и отдохнуть. Он вычертил в голове план особняка, расставил предметы, долго думал, куда же положить грязную собачонку и оставил ее там, где первый раз встретил. Не забыл про ковры, безделушки, занавески и даже кости – их он выводил с особым вкусом.

– Ты что делаешь? Прекрати! – ткнул его локтем Витя. Да пребольно!

Филя открыл глаза и ахнул. Карта будто поплыла: по тонкому рисунку шла рябь, искажая его от середины к краям. Контур теткиного дома проступал сквозь тряпицу, разрывая абрис Караван-сарая, давя яблочко, сминая виноградные гроздья. Филя тряхнул головой, и морок рассеялся.

– Ты, пока не приехали, карту не порть! – сурово сказал Витя. – Гомункулу она нужна.

– Значит, ты все-таки знаешь, кто такой Гомункул?

– Ну да, и что с того? Я не мастак объяснять. Приедем – сам увидишь.

– Давай начистоту. Это опасно?

Витя сморщился:

– Ты что, трус? Опасно, еще бы не опасно! Тебе теперь осторожней надо быть. Когда прознают, что ты картограф, от тебя не отстанут. Мой совет, сразу ищи благодетеля. Лучше самому выбрать, чем тебя захватят силой.

Филя побледнел. Он так и представил, что его, как барана, связывают огромной веревкой и волокут прочь от родного хлева.

– А ты не можешь быть моим благодетелем? – робко спросил Филя, косясь на Витину кольчугу.

– Рад бы, да никак. У меня другой талант, я герой. Раз уж мы встретились, давай держаться вместе. А про благодетеля Гомункула спросишь, он подскажет. Для того и нужен! И у меня к нему пара вопросов есть.

Филя вздохнул и замолчал. Мимо неслись дома, покрытые снегом тополя, березы. Дорогу перебежала старая серая кошка, и Витя вдарил по тормозам.

– Вот сука! – плюнул он. – Теперь дороги не будет.

«Во всем знак беды, – с тоской думал Филя. – Крабы, Горгоны, Гомункулы... Витязь этот шальной. Кто же знал, что город так грозен? Настенька, где ты, маленькая, что с тобой делают? Думаешь ли ты обо мне в эту самую минутку?»

Незаметно мысли Филя вернулись к дому тетки, и до него вдруг дошло, что ни в одной из комнат он не заметил зеркал. Конечно, дамы, обитавшие там, не отличались неземной красотой, но им же надо было хоть как-то поддерживать пристойный внешний вид. «Горгона она и есть Горгона, – решил Филя. – Взглянет в зеркало – окаменеет. А туда ей, впрочем, и дорога». Чуть позже он устыдился этой мысли. Зла тетке он не желал, но то, как она с ним обошлась, – несправедливо, невеликодушно – ранило его навывлет.

Вдали показалась крыша Караван-сарая, и Филя начал узнавать местность. Все это было изображено на его карте в миниатюре: вот небольшой особняк под черепичной крышей, рядом с ним колонка и кустики. Дальше почта и мясная лавка. Три безликих дома подряд, проулок, забитый мусором и снегом, пустырь и наконец резиденция Гомункула. Витя небрежно остановил машину на тротуаре и жестом приказал выходить. Филя запахнул пальто и нырнул в морозные объятия улицы. Караван-сарай стоял безмолвно. Нерабочий день?

Витя нес карту, как пойманного на краже цыплят хорька. Вошли в дом без стука, дверь была не заперта. Филя мелкими шажками крался за Витей. От страха он весь сжался, лодыжки свело вместе невидимым канатом. Внутри было темно и пахло лекарствами, особенно отчетливо бил в нос запах гвоздичной эссенции, от которого Филя безобразно расчихался.

– Тихо ты! – прошипел Витя. Филя смущенно пожал плечами.

Из коридора они попали в небольшую комнату, заставленную шкафами. В них находились колбы, флаконы, склянки всех сортов и фасонов: в одной, например, плавала заспиртованная змея. В небольшом аквариуме томились пиявки, в стеклянной коробке, похожей на гроб, белым животиком вверх лежала остромордая лягушка. В комнате никого не было. Витя тихо подошел к шкафу и ловко сунул коробку с лягушкой к себе в карман.

– Положи на место, ворюга! – закричал Филя, но тот закрыл ему рот.

– Тшш, не шуми. Пригодится.

– Да мало ли что... – сказал Филя, и тут появился Гомункул.

Собственно говоря, это был просто невысокий кургузый человек, почти гном. Он ковылял на кривых ногах, и голова – ушастая, неестественно круглая – покачивалась в такт шагам. Водянистые глаза неприятно слезились, и Филя почувствовал, как у него под веками копится ответная влага. Фу, омерзительно!

– Зря вы так, молодой человек, – произнес Гомункул, глядя на Филю. Звук «р» он выговаривал настолько необычно, что это нельзя было назвать картавостью. Гомункул выбулькивал его, словно пускал пузыри в стакан с густым соком через соломинку.

– Что зря? – спросил растерянно Филя. Он подумал, что именно его сейчас будут уличать в краже лягушки, и не знал, выдавать ему Витю или притвориться, что он ничего не видел и не знает.

– Вы, видно, считаете меня каким-то экзотическим уродом? Напротив, я совершенно обычный человек, а вот вы – вы да, урод.

– Я?! – возмутился Филя. – Да как вы смеете меня оскорблять?

Кровь зашумела у него в ушах. Витя, отошедший к двери, досадливо крикнул.

– Почему же оскорбляю? Привыкайте, это комплимент. Таким уж вы родились, оттого и урод. Игру слов понимаете? Ну, не обижайтесь. Вы так ослепительно молоды и пышете здоровьем, что мне захотелось сбить с вас спесь. Простите уж старика. Проходите в кабинет, там поговорим.

И Гомункул повел их внутрь дома. «Заманивает, слизень головобрюхий! – подумал Филя. – Вдруг там засада?»

– Эй, молодой человек, – лукаво протянул Гомункул. – Не забывайте, у меня тоже есть гордость.

«Мысли читает!» – мелькнуло в голове у Филя.

– Да, читаю, – сказал Гомункул. – И ничуть этого не стыжусь. А вам бы пора научиться прикрывать головушку, чтобы такие, как я, у вас там не рылись.

– Чем же? – спросил Филя.

– Да вот хоть чепчиком из фольги. Я вам попозже продам.

– Не покупай, – шепнул Витя. – У меня дома три штуки.

Филя посмотрел на него и покачал головой. Здесь, в Бурге, куда ни плюнь – чудовища и сумасшедшие, и еще неизвестно, кто он сам. Может, и то, и другое.

В кабинете у Гомункула было уютно. Горел камин, потрескивало березовое полешко. Рядом с очагом стояли три кресла, на одном из них лежала книга в кожаном переплете – Гомункул читал ее в ожидании прихода гостей. Стены были обиты отполированными деревянными плашками, отчего вся комната искрилась отблесками и была как живая, – шевелилась, дергала богатой шкурой. Шторы плотно закрывали окна, не давая солнечному свету пробиться внутрь.

«Как же он читает? Темно ведь», – невольно подумал Филя, позабыв, что для Гомункула его мысли – не секрет.

– А вот так! – сказал Гомункул, и глаза у него загорелись, как у ночного хищника, только ярче и пронзительней. Филя передернулся, до того гадливое чувство возникло у него в животе при виде этих огромных глаз, окаймленных болезненно красным, тонким веком без ресниц.

– Садитесь, потолкуем, – сказал Гомункул. Витя сразу же хлопнулся на ближайшее кресло, и Филе пришлось протискиваться между ним и огнем, чтобы сесть рядом с хозяином. Ах, как не хочется!

– Каюсь, что не поприветствовал вас, как подобает, господин картограф, – начал Гомункул. – Вообще по протоколу я должен был вас испытать еще при входе, но вы были так бледны и напуганы, что я не рискнул. Так что отложим пока, вы не против?

Филя замотал головой – нет, нет, что вы, никаких испытаний, дайте передохнуть, привыкнуть к обстановке.

– Стало быть, я правильно вас понял, – удовлетворенно сказал Гомункул. – Давайте представимся друг другу, а то что вы меня Гомункулом зовете? Может, так оно и есть, но неприятно. Поверьте, за столько лет я уже много раз пожалел... Впрочем, это к делу не относится. Меня зовут Аркадий Николаевич.

– Филимон, – тихо сказал Филя. – Фамилию надо?

– Обойдемся без формальностей, ужасно не люблю, – поморщился Гомункул. – Ну-с, а вы, голубчик?

– Витя Зязин, он же Витязь, – бодро отрапортовал Витя, вытягивая руки по швам. Это смотрелось глуповато, учитывая его сидячую позу.

– Ммм, вас я, конечно, не ждал, но раз уж мы все тут сошлись, значит, на то была чья-то воля, – задумчиво сказал Гомункул, поглаживая переплет книги тонкими костлявыми пальцами. – Да, интересный расклад. Проводник, герой и картограф в одной комнате, давненько не было такого!

– А вы проводник? – спросил Филя.

– Конечно, не герой же! Посмотрите на меня. Разве в мои годы потянет на подвиги? Дожить до лета и то свершение! Старею, угасаю, но вам еще пригожусь. Может, у вас уже есть вопросы?

– Да, – горячо сказал Филя и даже придвинулся поближе к собеседнику, хотя еще минуту назад не мог себе такого представить. – Почему вы все говорите, что я картограф?

Гомункул разочарованно цокнул языком:

– Я-то думал, у вас будут вопросы по существу, а вы... Ладно, начнем с азов. Вы свою первую карту уже нарисовали, так ведь? Иначе бы вы здесь никогда не оказались. Где я живу, может знать только истинный картограф. Ему открывается адрес в первом видении. Разрешите взглянуть на вашу карту?

Витя протянул ему тряпицу, и Гомункул принялся ее разглядывать.

– Недурно, недурно. Хороший стиль, твердая рука, кровь жидковата, но это у молодых бывает часто, потом пройдет. Разбавлять только слюной, слышите? Сейчас модно ацетоном, заклиная вас этого не делать. Испоганите пергамен. Так, что еще? Детализация карты излишняя, зачем, к примеру, нарисовали яблоко? Удержу не знаете? Ведь ко мне теперь побегут, скажут, откуда у нас яблоко посреди зимы выросло. Вы такими вещами не балуйтесь, рисуйте только по делу, без лишних украшательств. Я понимаю, вы художник, вас на творчество тянет, но поймите, нельзя. Быть картографом – большая ответственность.

– Я больше не буду, – растерянно пролепетал Филя. – Не знал, никто не объяснил.

– Ну-ну, не расстраивайтесь. Я ведь подстраховался и всех из Караван-сарая загодя удалил. Мы попозже сходим туда и сорвем ваше яблочко. Может, никто и не заметит. Теперь о главном: больше трех карт в неделю не рисовать, а то хватит апоплексического удара. Да, в таком молодом возрасте, представьте себе! Третьего дня хоронили молодчика, принялся штамповать одну за одной, до денег был жадный. Нашли на полу, уже холодного. Из носа крови натекла целая лужа, кораблики пускать можно. И еще, когда рисуете, держите при себе стерильный инструмент. Грязным ножом пальцы тыкать не дело. Хотите, продам вам по знакомству великолепный набор?

Филя готов был уже кивнуть, но Витя пнул его под креслом. Филя отрицательно помотал головой.

– Не хотите как хотите, – сказал Гомункул чуть раздраженно. – Помните, отныне и вовеки веков вы себе не принадлежите.

– Скажите, а почему именно я стал картографом? – спросил Филя.

– На этот вопрос трудно ответить. Скорее всего, ваша матушка, будучи на сносях, лакомилась мясом черного петуха.

– Что?! Какого петуха?

– Глупо звучит, правда? Не менее глупо, чем ваш вопрос. Никто не знает, почему становятся картографами, проводниками или, скажем, посланниками. Так получается. Врожденный дефект, внутриутробная травма. И это, заметьте, на всю жизнь.

– Так значит, я не смогу писать иконы? – с тоской в голосе спросил Филя. Перед его мысленным взором с грохотом захлопнулась дверь мастерской.

– Писать-то сможете, да никто их не купит. Кому нужны оскверненные святые? Нет, теперь, когда вы нарисовали карту, другое ремесло вам не дастся. Забудьте прежние мечты, новая жизнь, в которую вы вступили, будет куда интересней.

Филе вдруг подумалось, что вступил он не в жизнь, в самое настоящее дерьмо. Поди теперь отмойся! Гомункул сочувственно покачал головой и ничего не сказал.

– Если у вас возникнет во мне необходимость, мой адрес вы знаете. Только больше никого с собой не привозите, я по-стариковски ценю тишину и уединение.

– Между прочим, пергамен ему дал я, – обиделся Витя. – Без меня бы он не нарисовал карту!

– Простая случайность! – сказал Гомункул, поворачивая к нему голову. – Нечего приписывать себе подвиги, которых не совершали. Эка невидаль передать мастеру инструмент. Вы еще себя, юноша, не нашли. Вот взяли вы у меня лягушку, вы хоть знаете, что с ней делать?

Витя покраснел и проямлил:

– Тренировать.

– Тренировать, – передразнил Гомункул. – Уморите животное, и ничего не получится. Ладно, считайте, что я вам ее продал. Давайте полтинник.

– У меня нет, – сказал Витя и беспомощно посмотрел на Филю. Тот вздохнул, вытащил кошелек и протянул купюру Гомункулу. Деньги мгновенно исчезли в бесчисленных кармашках его шерстяной жилетки.

– Стрелы сами сделаете, – напутственно сказал Гомункул Вите, который кивал, как китайский болванчик, все еще красный от смущения. – А вы, Филимон, не берите сразу заказы, сначала потренируйтесь. Лучше ночью, когда никто не отвлекает. Закройте глаза и представьте место, где никогда не были, скажем, дом собачника Ираклия Мордвина. И рисуйте, рисуйте, пока кровь не засохнет. Как закончите, ложитесь спать, карте надо отстояться. Сразу на поиски бежать глупо, да и силы восстановить не грех. Сперва может скверно получаться, не все разглядите, туману в уголки подпустите или клякса где проскочит. Переживать не стоит, ясновиденье придет с опытом. Вроде все ... Вопросы появились?

Ошарашенный всем этим Филя сидел не жив не мертв. Вопросов не было, кружилась голова. Только сейчас он понял, что возврата к прежней жизни не будет. Он картограф навсегда, навечно, до гробовой доски, а может, и чуть дольше. Кто его знает, вдруг в Аду тоже художники нужны?

– Ты про благодетеля хотел спросить, – напомнил Витя.

Гомункул Аркадий Николаевич прищурился и посмотрел на Витю с укоризной:

– Что это вы, юноша, ему голову морочите? Зачем благодетель? Картограф – птица свободная, ему никто не указ.

– А как же эта... безопасность? – спросил Филя. – Что, если меня убьют?

– Сперва не убьют, потому что вы ничего еще не умеете, а потом не убьют, потому что не смогут, – резонно заметил Гомункул, расшвыривая угольки кочергой. – Не суйтесь только без надобности в дела сильных мира сего, и останетесь целы.

Филя сокрушенно вздохнул.

– Вижу, не верите старику. Хорошо, дам вам адресок, обратитесь, скажите, что от меня. Если примет Семен Семеныч вас под свое крыло, будете как за каменной стеной. Только плату он с вас возьмет непомерную. За качество, как говорится, три шкуры сдирают!

Гомункул достал из кармана жилетки крошечную записную книжку, в которую был вложен химический карандаш, и быстро начеркал записку к Семену Семенычу и его адрес. Филя протянул руку к бумаге, и словно ток прошел по пальцам и стусился мучительным зудом в локте. Он ясно увидел небольшой бревенчатый дом, выкрашенный в синий цвет, палисадник, засыпанный снегом, молодую рябину близ дороги, наледь у колодца.

– Bravo! – вскричал Гомункул. – Вот вы и прошли свое первое испытание.

Филя удивленно посмотрел на него:

– Какое испытание?

– Я же говорил вам. Проводник должен испытать картографа. Это своего рода традиция, ей много веков. Вы приходите, я даю вам адрес, скажем, булочной или табачной лавки, а вы мне должны описать место до деталей. Можете не трудиться, я видел картинку, которая была у вас в голове. Все очень точно, и даже наледь. Стало быть, Семен Семеныч ходил сегодня по воду. Поправился, болезный. Считайте, что я благословил вас на ремесло. Это, конечно, ничто по сравнению с истинным талантом, но для некоторых важно.

Филя, не в силах ничего сказать, просто хлопал глазами. Сидевший рядом Витя нетерпеливо возился: у него тоже были вопросы, но он не знал, когда с ними сунуться к Гомункулу. Помялся-помялся и решился.

– А он, – Витя кивнул на Филю – может помочь мне найти?.. Ну, вы понимаете...

Гомункул хмыкнул:

– Может, да вот только захочет ли? У вас, юноша, свой путь, вы картографа за штанину не держите. Повторяю, ваша встреча – чистая случайность, он не обязан делать за вас вашу работу.

– Но я должен знать, куда идти! Меня тянет, я истомился.

– Дело ваше. Чем больше помощи привлечете, тем меньше будет ваша доля. Не забудьте и мне гостинец прислать за труды, – Гомункул сделал неопределенный жест рукой, показывая размер гостинца.

Витя кивнул и затих.

– Так, и последнее, – сказал Гомункул. – На чем рисовать карты. Хорошо подходят старые, лучше даже рваные священные книги: Писание, Псалтырь. Берете лист, аккуратненько отделяете от корешка, ножиком зачищаете буквы. Некоторые отмачивают в лопуховом отваре, я необходимости не вижу.

– Я знал одного картографа. Тот брал божественные книги у молокан. Говорил, они самые хорошие, – заметил Витя с видом знатока.

– Можно и у молокан, – согласился Гомункул. – На вкус и цвет товарищей нет. Но учтите, по-хорошему с ними не получится, придется идти на разбой, а это риск.

– А сколько карт можно нарисовать на одном листе? – спросил Филя, разглядывая зажатую в руке у Вити тряпицу. Он припомнил, как сидя в машине, чуть не искажил ее видением теткиного дома.

– По инструкции, один лист – одна карта. Сейчас дерзко экономят, стирают пергамен и снова используют. От этого бывают значительные погрешности. Скажем, в доме семь комнат, а картограф рисует шесть или восемь. Приходит на место и разобраться не может. Так что

решайте сами, юноша, я тут вам не советчик. А теперь пойдете в Караван-сарай. Яблочко надо устранить.

Гомункул поднялся и поспешил к выходу. Витя и Филя едва поспевали за ним – он удивительно резво ковылял на своих коротких ножках. Они вышли на улицу. Пуржило. В переулке вихрилась снежная пыль, поземка лизала тротуар. У Караван-сарая по-прежнему не было ни души. Гомункул подошел к стене, нащупал пальцами бугорок, и перед ними открылась тайная дверь, узкая, как бойница. Они с трудом протиснулись в нее. Витя не успел втянуть живот, шкрябнул о стены кольчугой и чуть не застрял.

Внутренний двор был занесен снегом, и потому красное яблоко, нагло свисавшее с ближайшей яблони, выделялось вдвойне. Оно качалось на самой высокой ветке, и даже Витино роста не хватило бы, чтобы до нее дотянуться.

– Подсадите, – деловито сказал Гомункул и жестом велел Вите присесть.

Тот подчинился, и Гомункул с ловкостью обезьяны забрался ему на плечи. Сорванное яблоко упало на землю и покатилося к стене.

– Лови! – завизжал Гомункул, Филя прыгнул и накрыл фрукт собственным телом. Тот бился под пальто, как живой.

– Вот что бывает, юноша, от излишней прыти! Какое яблочко нарисовал! – сердито сказал Гомункул, помогая Филе подняться и стряхивая с него снег. Яблоко дергалось в его руке, пока не исчезло в одном из карманов. – Все, пора по домам. Навестите меня через месяцок, расскажете об успехах.

Витя и Филя сели в машину. Она успела выстудиться, сиденья неприятно холодили зад.

– Куда поедет? – спросил Витя.

– Не знаю. Мне некуда податься. Где здесь дешевые номера?

– Зачем тебе жить у чужих? Поехали ко мне! Мать будет рада, давно я гостей не приводил.

Филю одолели сомнения: это знакомство даже шапочным не назовешь, одалживаться не хотелось. Но все же выбор был невелик. Надолго его денег не хватит. Сколько он проживет в гостинице – неделю, полторы, месяц? А дальше крах и нищенское существование в бесплатной ночлежке для бездомных. Лучше уж к Вите. Если Гомункул Аркадий Николаевич сказал правду, Филя расплатится сполна за эту услугу.

– Спасибо, Витя! Буду рад у тебя побывать.

И они помчались в Малярово.

Русалка

Филя молча смотрел в окно, перебирая в голове впечатления. Вот приехали к Гомункулу, вот Витя похитил лягушку, вот вошли в комнату и уселись к камину. Уже спустя несколько минут в реальность произошедшего верилось с трудом. Филя стал подумывать, что все это затянувшийся предутренний сон, навеянный осенней тоской и душным одеялом, но нет, сколько бы он ни щипал кожу руки, проснуться не удавалось. Да что там щипки – он ножом себя резал, и не помогло! Только хуже стало, карту нарисовал. А если бы удержался и не послушал искушителя, может, и не сбылось бы предназначение. Эх, что уж теперь, все кончено и кончено!

Витя тоже молчал. Он перестал оглядываться и только иногда тоненько вздыхал. Кольчуга бряцала под курткой при каждом движении. Филя взглянул на карман его брюк, откуда торчал саркофаг с лягушкой и спросил:

– Зачем тебе эта тварь?

– Я же сказал – тренировать буду, – откликнулся Витя и лихо заложил вираж. Машина вильнула задом, как падшая женщина, но тут же выровнялась и загудела тоном ниже, довольная тем, что не слетела в кювет.

– Что-то я никогда не слышал, чтобы лягушек тренировали.

– И не услышишь! Этим только герои занимаются, и то не все.

– А почему так? – поинтересовался Филя. Он силился поддержать разговор, сидеть в гробовой тишине было неуютно. Ему казалось, что он обязан развлекать Витю разговором, ведь тот везет его в гости. А гостю полагается быть словоохотливым, балагурить и зубоскалить. С этим у Филя были вечные проблемы, улыбка, насильно натянутая на лицо, неизбежно и быстро сползала.

– Как тебе объяснить? Лягушек обычно тренируют младшие сыновья, если им довелось быть героями.

– А, я понял! – сказал Филя. – Иван-дурак и все такое. Помню, читал.

– Ничего ты не понял, – отрезал Витя. – Глупости говоришь. Это тебе не детская сказка, а... а...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.